

«Вологда. XX век»

Иван ПОЛУЯНОВ

ДРЕВНЕЕ — ВЕЧНОЕ

(ОПЫТ РОДИНОВЕДЕНИЯ)

Вологда. 1999

Иван ПОЛУЯНОВ

Иван Дмитриевич Полуянов родился 6 августа 1926 года в Нюксенском районе Вологодчины. По ряду обстоятельств, семья переехала в Архангельск. Подростки дети, два брата, каждое лето в школьные каникулы вдвоем навещали лесную деревеньку Семейные Ложки и речку Городишну. Ну и что, что старшему было 13, младшему 10 лет,— вполне самостоятельные мужики! Однажды, когда Сухона обмелела, прервалось пассажирское сообщение, пришлось им до Устюга верст 160 плыть на плоте.

События июня 1941 года И. Полуянова застали в родной стороне: приехал на этюды с натуры (у него находили способности к живописи, рисунки были приняты в Москве на выставку к 100-летию со дня смерти М. Ю. Лермонтова). Война! Отец и старший брат мобилизованы в армию, мать отправилась в Канда拉克шу на оборонные работы. Потом и младшему в семье выпало испытать, что такое фронт, как рядовому пехотного полка...

После войны И. Полуянов служил в Архангельской областной библиотеке, окончил педагогический институт, занимался журналистикой.

С 1961 года живет в Вологде. Автор около тридцати изданий, книги выходили в Архангельске и Вологде, Москве и Ленинграде. Предлагаемые здесь очерки — как бы взгляд писателя в деятельность Вологодского общества изучения Северного края (ВОИСК), членом которого он является.

Село Городишна начала XX века, с церковью Богоявления — одним из красивейших храмов сельской Вологодчины. Репродукция В. К. Тарасовского.

ДРЕВНОСТИ ПРИСУХОНЬЯ

(Опыт родиноведения)

Что он такое, клочок земли — твоя «малая родина»? Малая, не больше точки, какую оставит карандаш на карте школьного учебника, но за нею — целый мир, в детстве столь необъятный и бескрайний.

Березы у крыльца, где висели скрипучие качели, и тропа сквозь лес, усыпанная палыми шишками. Запах горячей пыли тележных проселков, изгородь, увитая диким хмелем, и камни межи с греющей на припеке жемчужной ящерицей. В зной из поднебесья плаксивые птичьи кличи и ночью шорох дождя по кровле отчего дома. Дожди-дождики, не забыть вас, спорые, тихие, как вы шумели-нашептывали, точно молитву слагая ко счастью сирых деревень, взятых в кольцо таежной глухомани, ко покою зеленого, обросшего соснами холма Мыгра в полевом и луговом раздолье над рекой Городишной!

Родина, малая родина, у всех она своя. С замираньем сердца произносим, ее вспоминая:

*С каждой избой и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Здесь я попытаюсь поведать о своем родном углу. По хронологии ограничусь летописной стариной, по пространству — преимущественно древними волостями Тотмы, Устюга, теперь составляющими Нюксенский район Вологодской области. Не скрою, хочется поколебать господствующее у нас предубеждение, якобы Присухонье, прозябавшее в нищете, бесправии, извечно лишалось внимания истории. Столетия за столетиями миновали бесследно, безгласно — и что сейчас услышишь из канувшего в небытие? Поэтому буду

строго следовать показаниям письменных источников, документов. Попробую взглянуть на седое прошлое глазами его очевидцев и обнаружить узы, стягивающие Присухонье со всей Русью, как часть с целым, определить ношу, какую оно несло,— ну-ка, кому этот груз сегодня по плечу?

Убеден, мы безмерно богаты опытом пережитого, пропущенного сквозь судьбы несчетного ряда поколений. К родословной, к корням, которые, даст Бог, еще пустят здоровые ростки, обращен очерк. Не грех обернуться назад, чтобы благодарно воспринять уроки жизни от пращуров наших,— к чему же коснеть богатствам втуне?

* * *

Вологодчина — природный рубеж Северного и Волго-Каспийского бассейнов. Дороги без рытвин и ухабов, большие реки искони служили удобными путями сообщений. Тем не менее, допустим, с Волги, ее притоков попасть на Двину, Вычегду можно было не иначе, как перетаскивая суда волоком через сушу водоразделов. Отсюда пошел термин Заволочье, распространившийся для обозначения просторов Северной Руси. Изредка окраинные пределы Белозерья, Вологды именовались встарь и Заволжьем. Затем земли между Сухоной и Ледовитым океаном стали официально именоваться Поморьем, несмотря на то, что от морей их отделяли сотни верст лесов, болот, мшистой тундры.

Хвойная тьма тайги. Суровые очи озер...

Откосы Сухоны, пластами отложений глин, известняков похожие на обрез гигантской книги...

Кто отважится проникнуть пытливым взором в хвойную эту темь, перелистать каменные страницы, чтобы увидеть носорогов под древами неизвестными и на песке отпечаток лапы пещерного льва, услышать победные кличи охотников, загоняющих в ловчую яму мамонта?

Археологи обнаружили в раскопках на Севере очаги пребывания человека давностью в 25000 лет. То надолго угасают, то разгораются дискуссии о некоей коренной — помимо, конечно, языка,— древней общности культуры, обычаев северян и ариев Индии, будто бы за Гималаи, с прародины вытесненных наступлением ледников Скандинавии, губительными колебаниями климата.

Что нам вмешиваться в споры о доисторических эпохах? Обратимся к более близкому, когда, начиная с IX века, проникновение русских в Заволочье шло от Великого Новгорода и Ростова (Ярославского). На ранних порах новгородцев, видимо, занимал промысел пушнины. Ростовцы сразу отличились мерной поступательностью продвижения, стремлением утвердиться на новых территориях крестом и плугом — где пашня, там и храм.

Письменные данные 1038-го, 1078-го годов сообщают о стычках с угро-финскими аборигенами как раз на религиозной почве. Было земель всем вдоволь: бери — не хочу!

Обозначилось размежевание сторон. Вологда, верховья Сухоны с Рабангой, Шуйское, Тотьма стали землями Великого Новгорода; на правом берегу Сухоны от Брусенца с частью ее левобережья, где, примерно, Дмитриев Наволок, на Малой Двине закрепились ростовцы. Форпост Ростово-Суздальской Руси, известный летописям с 1207 года, Устюг распространял влияние на восток — к Уралу, на север — до «тоймищи поганые», языческих племен. На века было суждено устюжанам труды хозяйственного освоения края совмещать с христианским просвещением.

Как лишь в насыщенном растворе происходит кристаллизация, так в безлюдье, на голом месте не вырастают города. Считается, Устюг заложили новгородцы, не предвидя, что быть ему для них же костью в горле. Он запер свободные пути с Вологды к Поморью, клином вонзившись во владения Господина Великого Новгорода.

При Иване I Калите Устюг с погостами, деревнями удел князей Ростова, принял подданство московское. В 50-х годах XIV века Иван II Красный выдвинул на уровень государственных задач заселение берегов Сухоны, Двины выходцами из центра.

Для Нюксенского Присухонья в географических наименованиях характерно сосуществование славяно-русского и угро-финского корней. Озера Темное, Рыбное, ручьи, реки — Гремячий, Брусенка, Бобровка, Святица, Городишна, но и Уфтюга, Пурсанга, Куерма, Сельменьга. Названия деревень сплошь русские: Киселево, Брызгалово с выселком Мыгра, Половники, Быково, Великий Двор, Березовая Слободка, Красавино, Веселухи. Многие селения хранят имена основателей, как Макарино, Лукино, Федьковская, Юшково.

От топорных росчистей, стожка сена и колоса на таежной целине, от охотничьей лыжни и рыбацких тоней взяли почин волости, где у мужиков было все свое: храм — молиться, крепость с башнями — супостатов отразить, монастырек-пустыня — душу покоить. Помянем добром предков, кто вел первые бо-розды, делал первые прокосы, горсть по горсти жал первые снопы!

И это по меньшей мере в годы, когда Русь изнывала под татаро-монгольским игом. Тяжелей дани Орде угнетало национальное унижение. Общей радостью отозвались вести о победе на Куликовом поле осенью 1380 года: устюжане сражались в воинстве Дмитрия Донского.

Кому-кому, а устюжанам стало за обычай держать под рукой щит и копье. То и дело вспыхивали вооруженные ссоры с новгородцами. Чья бы ни была сторона права иль виновата, скорбят строки летописей:

«Крестьян повешале, а иных посеке, и животы их и товары поимале»...
«Убиша устюжанцев... иные в реще истопша»...

А набег, нашествие? Камские болгары, вятичи, пермяки, зауральские князья, казанские татары — кого и не видел Устюг у своих деревянных стен! Сносил город осады, пожары, грабежи, отбивал приступы и откупался от насильников. Однажды данью отпустил меха 8000 белок, 80 соболей, вскоре — 50000 белок и 240 соболей. Откупался и деньгами: как-то внес 11000 рублей, сумму по тем временам умопомрачительную, только оставьте город в покое, народишко вживе.

Мир, покой всегда дорого стоили — надо бы помнить.

Но причем тут таежные захоластья Брусенки и Городишны? Праздное любопытство: ведь по зеленой мураве Гледеня резвились, задрав хвосты, дорогие соболя, на посаде шагу не шагни — на белку наступишь, под окошками, вместо стекол затянутыми бычьим пузырем, серебра-то, серебра, лопатой гребь!

Не пристало шутить, если вдуматься, чем оборачивались напасти сухонскому пограничью Московского государства. Свижут стрелы, гремит пальба под Устюгом — от Брусенца до Бобровского и дальше колготят мужицкие сходы, что опять выше леса поднялись подати. Неси, плати! Надобе дать, но где взять? Да вдруг нагрянут из-за реки кокшары, по большой дороге пыль взметет вражья конница? Устюг в осаде, и волости вокруг пущены на поток, чтобы город лишился подкреплений, — горят деревни, льется кровь.

Горечью пропитаны древние свитки первой половины XV века. Новая беда: «русские князи воюются и секутся о великом княжении на Русской земли».

Свара семейная вспыхнула в родне Дмитрия Донского, кому достанется его наследство. Внук героя Куликовской битвы, Василий II, как сопернику, двоюродному брату выколол глаза. За калеку вступился Дмитрий Шемяка, Василий II пленил и «отемнил» — тоже глаза выколол. Действительно, «око за око!» Правда, Шемяка великокняжеского престола не уберег, пустился в бег.

Бездонна пропасть падения, коль слаба державная власть: лютовали на просторах Руси золотоордынцы, крымчаки, литовцы. Уехал на Флорентийский собор митрополит Московский и всяя Руси Исидор и вернулся кардиналом — с широкими планами подчинения русской православной церкви католическому Риму...

Княжеские междоусобицы усугубили раскол Присухонья: нашенское правобережье стояло за Москву и Василия II, левобережье — Уфтьюга, Тарнога — за Шемяку.

Василий II Темный привлек к соправлению страной сына Ивана, торжественно провозгласив его великим князем.

Успел наследник, не успел отдохнуть после похода на вероломную Казань, получил от отца очередное задание — изгнать Дмитрия Шемяку из устюжских пределов, в которых князь два года вершил суд и расправу. Присягнешь ему — живи, отказываешься — камень на шею и в Сухону!

Летописи, датируя начало выступления Васильевым днем — 1-м января 1453 года, подробно излагают движение московских ратей: «...князь великий Иван с Ондреевых селиц и с Галицианы пошел на Городишную, да на Сухону, да в Саленгу на Кокшенгу воюючи; а город Кокшенгский взял, а кокшаров секл множество, а с Кокшенги на Вологду»...

Прибегнем к небольшому отступлению. Повод дают и упоминание Городишной волости в летописях, и непосредственно текст в одной из них.

В любой округе есть достопримечательности. Их берегли, ими гордились, будь это бор, роща корабельная, богатая целительным настоем мхов, смолы и хвои, колоннадами исполинских, как из латуни отлитых стволов, от подножия облицованных твердой, гранитной крепости корой; будь это родник, бьющий чистой струей из-под каменных глыб, и на виду берестяная поилка, рядом сколоченная из жердин скамья — путнику отдохнуть под шум леса и птичьи голоса; будь это поляна за деревенской околицей, где белозубо улыбкивы березы, где и водить хороводы, гармониям томить девичьи сердца...

У нас легендами, преданиями старины глубокой была овеезна Мыгра — угор над рекой Городишной, одинокой в низинном луговом и полевом раздолье.

Обрыв крутой, отвесный, прямо к воде. Высота, поди, с пятиэтажный дом, песчаные оползни и сосны, сосны...

Хаживала меж деревнями молва, дескать, клады зарыты, синие огоньки по ночам блуждают, выдавая спрятанные сокровища, сычи ухают, ровно стража бессонная, гудит ветер в соснах до того угрозно — по коже мороз. Нипочем не уняться ветрам, как не сравняться угору с землею сирому...

Говорят, дождями нет-нет и вымывало из кручи то ржавый обломок клинка, то наконецник стрелы либо копья.

Эх, небось у Мыгры битвы кипели! По преданию, то с вотяками — аж с Волги лихим воинством, от коего что было обороны, то на угоре ухорониться...

Дело прошлое, мне с детства запало, что холм был увенчан белой громадой Всесвятской церкви. Белую-белую, единственный купол делал ее похожей на витязя из сказки, богатыря былинного в шеломе.

Летом, осенью по утрам, если с Городишны и Святицы наплывал туман, топя покосы наволоком, скаты Лопатинского поля, тогда мнилось — каменное

здание парит в воздухе, земли не коснется, лишь крест в вышине сияет от солнечных лучей.

Бывало, бабушка принесла из амбара кошулю на борах, праздничные сапожки — голенища золотистые, нерпичьи, и я липну к ней:

— Куда срываешься?

— В город, андели.

— Зачем, баушка?

— Богу молиться, дитятко.

Город? В лапотной-то стороне — город? Мал я был в такие несообразности вникать.

Там и храм исчез: понадобился кирпич для строительства мастерских МТС. Годами гряда битой известки, красных, будто окровавленных обломков горюнила взгляд, пока разрослась жгучая крапива, колющий чертополох.

Вскоре после войны довелось мне, студенту на каникулах, навестить родные места. За хлебом, раздобыться на почте газетами ходил я в село. Нарочно закладывал крюк ради Мыгры — живописные с холма открывались дали.

Сидишь, бросаешь в речку камешки, сосны шумят, шумят и напускают шемящую грусть. Дорого досталась победа: половина фронтовиков у нас не вернулась домой, а и пришли — тот без руки, этот ковыляет на костылях, брякая медалями. Знаю, часть, в боях понесшую невосполнимые потери, отправляли в тыл получать пополнение и на переформировку. Где взять пополнение деревням — избы обветшали, похились на углы, крыши горбатятся, словно хребет заезженной лошади? Чем помочь полям — голубизна цветущего льна разбрызгана вездесущими ромашками? В лавке сельпо пустые полки: слипшиеся конфеты-подушечки «Дунькина радость», из промтоваров — лапти...

Ну дались тебе лапти, будто сам их не плел когда-то, не в лаптях и покинул деревню семнадцати лет по повестке райвоенкомата!

С утратой церкви угор как бы осел, на развалинах крапиву, чертополох потеснили заросли полыни-чернобыльника.

Признаться, ров бросался в глаза, хотя задел мое внимание чисто случайно. Сглаженный временем ров — подобные мне встречались в войну перед рыцарскими замками, средневековыми цитаделями Литвы, Пруссии. Но здесь была церковь, — к чему ей у входа ров?

Позднее я вычитал в сборнике И. К. Степановского «Вологодская старина»: да, на Мыгре располагалась крепость. Древние зодчие, добавив искусственно холму высоты, на насыпях подняли две бревенчатые башни с множеством бойниц-стрельниц. Частокол, стены без надобности: неприступность

сооружения обеспечивалась дугой вала и глубокого рва, крутизной обрыва к реке.

Тучами стрел крепость осыпала врагов, с башен летели камни, с обрыва бревна,— представляете себе тогдашние сражения?

Помимо Городишной в документах крепостями обозначены Брусенец, Бобровское. Пограничье Московской державы,— этим все сказано. Брусенец с Бобровским контролировали судоходство по Сухоне и, как Городишная, санные, тележные пути, все же вместе служа обороне дальних подступов к Устюгу, защите местного населения.

Истари к «городам» и «городкам» причисляли крепости. По праву таежному Присухонью было слыть в веках краем городов: так башни Городишной простояли до 1760 года, в чем И. К. Степановского заверяли старожилы.

Но что студента историко-филологического факультета озадачило, то это Архангелогородская летопись. Нет, она создавалась не в городе Архангельске — в Михаило-Архангельском монастыре. Отстоя в версте от Устюга, обитель была ограждена собственными крепостными стенами, башнями, поэтому документами именовалась «городом». Между выше приведенным текстом о походе на Шемяку и текстом местного Архангелогородского свитка мала разница, для нас зато существенна:

«...Князь великий Иван с Ондреевых селищ и з Галишыни пошел на Годишную, да на Сухону реку, да в Саленгу на Кокшенгу воюючи, а город Кокшенский взял. а кокшаров секл множество, а с Кокъшенги на Вологду... а князь Дмитрий побежа к Новугороду»...

В Новгороде упал занавес затянувшейся трагедии: подали смутьяну откусать курочку, сдобренную смертельным ядом, и памятью злого безвременья отложилась в народе сказка — о несправедном Шемякином суде.

Почему вот в тексте Годишная вместо Городишной?

Описка?

Ошибся инок честной, корпя над свитком в свете скудной лампы?

Видимо, ни то, ни другое. Чем подозревать в оплошности составителей исторического свидетельства, скорее сочтешь Михаило-Архангельский свиток основой для остальных летописей о маршруте погони за Шемякой, поскольку помечен даже переход ратей через Сухону в районе незначительной речушки Саленги, хорошо знакомой жителям левобережья, но далекой Москве навряд ли.

Займствование из угро-финского языка, в устюжских говорах «мыгра» — возвышенность, горка, поросшая лесом.

Выражение «годишная», соотносимое с древнерусскими словами «годъ», «годити», давало и отсчет временным отрезкам, и от корней своих породило

понятия, широко распространенные: «угодье», «пригожий», «угодный», — не берись перечислять.

Может, звучит в «годишной» эхо тьмы языческой, что с угора идолами-истуканы озирали повитые синей дымкой дали, тѣк сюда лесной люд на ежегодное празднество, творились жрецами заклинания к удаче рыбных ловель, звериных охот?

Или на Мыгре ростовские князья раскидывали шатры, приезжая раз в год на «полюдь» — сбор дани?

Может, Годишная уступила Городишной, когда насыпь Мыгры приняла башни крепости — деревянного города седой старины?

Нет опоры на документы, то напрасны гадания. Между тем Годишная в перечень волостей Устюга попадала и века спустя после самого раннего упоминания на древних свитках.

Первоначальное имя — Годишная шло к нашей реке, пригожей, беспечной резвунье в цветистом разнотравье пожен, поскотин, среди хлебных пажитей и замкнутой, сосредоточенной в себе на протяжении десятков верст, когда несет она стремительные воды к устью мимо дремучих, обступивших ее хвойников.

Не ответить, в чем ее обаяние, реки такой разноликой, столь разнообразной угодьями. Оно в звонких перекатах-быстринах, где плещутся хариусы, поблескивая чешуей? В отпечатке медвежьей лапы на отмели, куда нацедило водицы и устроилась пестрым бабочкам поилка? В ягодниках и грибных полянах, раскинутых там и тут по берегам скатертью-самобранкой?

Водились в суземах над рекой соболя, на притоках-ручьях бобры ставили плотины, на белых мшистых боровинах сосняков паслись олени... Было это, было!

И это было — зима, стужа, сыпучие сугробы. Фыркали заиндевелые кони, перенимая волчий вой из ольховых перелесков. Мерцанье копий отзывалось вечерней звездой, позвякивали ножны сабель о стремени. Торопилась московская рать в Тарногу, впереди сугулился в скрипучем седле мальчик, в грядущем великий государь всяя Руси Иван III. Он достиг Годишной-Городишной не 8-го ли января 1453 года, когда сравнялось ему 13 лет?

Эпохи мятежей, глубинных потрясений знаменует спасительная связь: чем ниже нравственно падают правящие верхи, тем выше в духовном возмужании поднимаются народные низы. Тверской купец Афанасий Никитин, примерно, в те годы возвращаясь из странствий «за три моря», посетив Индию, Персию, Туретчину, так выразил мысли свои и своих современников: «Да сохранит Бог землю Русскую. Боже сохрани! Боже сохрани! На этом свете нет страны, по-

добной ей! Некоторые вельможи Русской земли несправедливы и недобры. Но да устроится Русская земля!..»

Народные чаяния воплощались в великие дела. Свергнуто татаро-монгольское иго, и с притяжением к Москве былых суверенных княжеств, земель Великого Новгорода, возврата от Польши Северской Украины, Путивля и Смоленска обустраивалась Русь единой и могучей. Крепнувшим год от года государством, с которым считаются соседи и которое способно дать населению надежную безопасность.

Велик был вклад Великого Устюга. При участии устюжан границы Руси раздвинули Карелия, Великая Пермь, исчезли последние препоны для свободного плавания судов от Вологды до Холмогор.

Как известно, Иван III возвеличивался прозвищем Грозный и уступил его родному внуку.

Тяжким выдалось начало эпохи Ивана IV. Ребенком, при матери, правительнице державы Елене Глинской, он наследовал престол. Похоже, княгиня мешала придворной челяди, похоже, была сжита со свету отравой.

Обычно историками пропускается, как, используя возникшую слабость Руси, Казань обложила ее данью. С Волги и Камы вглубь страны ринулись толпы грабителей. На два года, например, растянулось хозяйничанье татар в Вологде, Тотьме, Устюге, естественно, заодно с волостями.

Так наконецники чьих стрел вымывали дожди с обрыва Мыгры? Может быть, забрезжило из тумана веков, откуда взялись у нас красноречивые названия деревень: в правобережье Сухоны — Черемисы, в левобережье — Побойшное?

Удар 1539—1541 годов очевидцы сравнивали с нашествием Батыя. Те же насилия, убийства, пожары, то же глумление над святынями. С разницей, поведанной одним из летописцев: «Батый протек молниєю Русскую землю; казанцы же не выходили из ее пределов... кого не брали в плен, тем выкалывали глаза, обрезывали уши, нос... Пишу не по слуху, но виденное мною»...

Некоторые местные краеведы склонны полагать, что военно-опорные пункты Присухонья, в частности Брусенец, построены именно вследствие нападения татар. Опровергнуть или согласиться с этим не представляется возможным, пока не обнаружиться достоверные документы. Однако, если были в пограничье Великого Новгорода крепости, как Тарногский Городок, то почему бы им не быть на окраине Московского государства?

События 1539—1541 годов — не более чем эпизод в череде других, поистине судьбоносных.

На исходе XV — начале XVI веков возрос интерес Европы к Руси. Дважды ее столица чествовала гостеприимством австрийского посланника Сигиз-

мунда Герберштейна, по итогам поездок создавшего «Записки о Московии». За короткий срок книга 6 раз публиковалась на латыни, 5 — на немецком, 2 — на итальянском, по одному на чешском и английском языках.

В отзыве об Устюге и уезде Герберштейн отметил суровость климата, скудость почв для земледелия и обмолвился, что тамошние соболя низкого качества, а черные и серые лисицы по достоинству ценятся высоко.

Примечательна карта Руси антверпенского издания «Записок» 1557 года: на ней выделены Брусенец и Бобровское.

Подробнее позднейшая карта «Двинских волостей» XVI века. Из Ньюсенского Присухонья в ней нашлось место Брусенцу, Городишне, Березовой Слободке, Осипову, Большой Сельменьге, Бобровскому, Выползову, Сученьге. Некоторые названия в переводе искажены, Сухона ошибочно поименована Северной Двиной. Все-таки показательно, что наш край кропотливо изучался иностранцами.

В 1554 году шторм прибил корабль капитана Ричарда Ченслера к русскому берегу. Направляясь с Беломорья в Москву по приглашению царя Ивана IV в ранге посла, англичанин несомненно знал, что плывет Сухоною. Вряд ли есть необходимость раскрывать значение пребывания Ченслера в России. Приведем лишь отрывок из его отчета Лондону. «Россия — страна, богатая землей и населением», — писал Ченслер. И затем, не шибко заботясь о стиле и четко по смыслу: «Если бы русские знали свою силу, никто не мог бы бороться с ними... Могу сравнить их с молодой лошастью, не знающей своей силы: маленький ребенок управляет ею и водит ее на узде, не взирая на всю ее великую силу; но если бы она сознавала, не только дитя, но и никакой муж не мог бы править ею».

Через три года земляк знаменитого капитана, Антон Дженкинсон, повторил плавание от Холмогор до Вологды и обратно. Речной путь ему представлял оживленной трассой: барки с зерном, изделиями ремесленников, металлом — в Поморье; соль, пушнина, рыба — из Поморья в центр страны.

При Иване Грозном после покорения Казанского, Астраханского ханств, когда Ногайская орда признала вассальную зависимость от Москвы, на Кавказе возникли русские города Чечен, Терки, с разгромом последыша Золотой Орды сибирского хана Кучума Русь упрочила позиции и в Азии, и в Европе.

Для Севера глубокие последствия имело присоединение Сибири. Еще с XI—XII веков из Поморья, из Заволочья прокладывались ходы за Камень (Урал), например, Северный морской и Печерский. В 1472 году был разведан ход от Устюга по рекам Югу, Лузе и далее снова в Зауралье. То есть, казаки Ермака проникли в Сибирь по уже исследованным рекам и волокам сухопут-
тий.

Настал срок: под окнами изб Звегливца, Устья-Городищенского, где вчера встречались хлеб с солью, произошли встреча Запада с Востоком, Европы и Азии — товарами, прежде всего, конечно, товарами! Под стук топоров, визг пил смешивались запахи поемного лугового приволья с дымом костров, чадом разогретой в чанах смолы: спешно разворачивалось речное судостроение. Береговые кручи Сухоны множили эхом голоса бурлаков, гомон с караванов. В трюмах, на палубах павозков, набойниц, дощаников, лодий то нашенские меха, икра, лен, кули муки, то заморские шелка-бархаты, оружие, доспехи воинские, вина, пряности.

Вероятно, тогда Березовая Слободка обустроила таможню — взимать пошлины с грузов, поступающих с Тарноги, Ваги, и крепость Бобровск обзавелась «ямом» — станцией найма ямщиков, бурлацких артелей, смены судовых экипажей, пунктом правительственной связи.

Косвенную оценку Присухонья содержат строки летописи за 1565 год: учреждая опричнину, повелел Иван Грозный взять «на свой и царевичей Ивана и Федора обиход» хлебородные житницы, процветающие торговлей, ремеслами города и среди них — «Устюг со всеми волостями».

В скрипе полозьев тянутся вереницы саней. Пройдет один обоз, там с угора опускается другой. Прорысят казаки, усади да бородачи, распугав по домам девок-хохотушек, и, глядишь, колыхается по ухабам кожаный возок с крестом на обвершье. Нараспашку слюдяное оконце — сухая морщинистая рука посылает пастырское благословение ребятне с санками-чунками у гумна.

Едва-едва к ночи делается тихо, безлюдно. Бойкое место — Присухонье! Круглый год нет ему угомону, благодаря единственной на Руси дороге, в веках освоенной и торной, на Белое море, на Обь в Мангазею, за Уральский хребет. От Брусенского Городка она прорезает чаши, луговины к Околодку, Погосту и, миновав башни Городишной, Ларенскую, от Устья-Городищенского стелется вдоль берега Сухоны...

Погодим восторгаться, если правобережье Сухоны бывало в привилегированной опричнине, не Копылово, то Вострое спускало на воду суда, пусть хоть маломерные каючки и струги, в Бобровском хлебосольным столованьем пригласили иноземных послов и купечество, поступающих на московскую службу вояк при шпагах. Добро это, ладно, когда у великой державы один выход к морям, и тот зима по полгода держит на ледовом замке?

Себестоимость грузов удорожалась и тем, что торговым караванам приходилось огибать Скандинавию, удлиняя пути следования сквозь выюги Заполярья, шторма, губившие корабли.

25 лет Иван Грозный отдал несчастной Ливонской войне. Поражение

обошлось в потерю «нарвского плавания», могущего обеспечить бесперебойные сношения с Западной Европой. Утрата Иван-города, Яма, Конорья, Корелы (Кексгольма), Юрьева (Дерпта) вообще оттеснила Россию от незамерзающих балтийских портов, нанеся урон ее престижу.

Поэтому, томит ли зной и не шелохнут липы Киселева, слякоть ли распутиц, грязью залитые тележные колеи, стужа ли, под солнцем слепит глаза наледь промерзшей до дна на перекате Городишны,— напряженной жизнью жила большая дорога.

Здесь, наверное здесь однажды видели мрачное, растянувшееся на версту унылое шествие: в повозках старики, малые дети, взрослых гонят пешком конные пристава.

Высыпал народ из изб, теснился у обочин. Передавалось шепотом: «Углич... Углич!» Мужики угрюмели, комкая бороды. Женщины, бросаясь к повозкам, совали ребятишкам пироги, сушеную репу-паренцу, причитали жалостливо:

— Господи Сусе, за что их, неповинных-то, мучают?

С крыльца церкви священник, скрываясь за полуотворенной дверью, украдкой осенял гонимых наперсным крестом. Подскочил стражник, в руке зажата нагайка:

— Кого благословляешь — царевых супостатов? Отрыщ, батька, доведешь до греха! .

Суров был переломный для судеб державы год 1591-й. Армия далеко, противостоит Швеции. Нарва не взята и с юга напирает крымский хан. 100 000 всадников, янычары, наемная пехота, турецкая артиллерия,— грезится татарам помыкать Русью, ровно при Батые!

Горе к беде! 15 мая в Угличе погиб девятилетний отрок: будто бы играя со сверстниками «ножиком в тычку», насмерть поранился в приступе «черной немочи» (эпилепсии). С голоса его родни, горожане заподозрили убийство по козням правителя государства Бориса Годунова. Углич охватили кровавые волнения: Дмитрий был и сыном царя — Ивана Грозного, и братом царя — Федора Ивановича, прочили мальчика в наследники престола.

Беда к горю: в Москве, в тылу ратей, поднятых для отпора татарам, вспыхнули пожары, страшные деревянному городу. Поджигателей похватали, сознались они, что подосланы дядьями покойного Дмитрия-царевича, но много в том проку, раз торговая Красная площадь — головни и пепелища, и в ворота стучит крымский хан!

Положение казалось безвыходным, когда ночью внезапно разразилась оглушительная канонада. Сполохи огня, свист ядер — били пушки ближних позиций, грохотали зевластые орудия со стен Кремля. «К русским подоспели

подкрепления из Великого Новгорода?» — позорно, в панике бежали от Москвы татары.

Радость победы заслонила трагедию в маленьком волжском городке. Кто мог предвосхитить, чем она обернется и очень скоро?

Столица справилась с крымской напастью собственными силами, полки не тронулись от Великого Новгорода, готовые продолжать боевые действия. Шведы пошли на мировую. Морское побережье между Невой и Нарвой, а с ним Ивангород, Копорье, Корела снова укрепились за Русью, точно предмостье будущих сражений за Нарву.

Углич постигла кара. Обвиненных в мятеже, в том, что не уберегли царского отпрыска, горожан кого казнили, кого заточили в тюрьмы, и сотни были приговорены к ссылке в Сибирь. Пострадал даже колокол церкви Спаса, подавший сигнал к бунту: палач выдрал язык, покалечил ухо, — побрыкаешь еще супротив властей?

Колокол на каторгу — что ж, такие были времена!

Вдоль Сухоны шли воинские пополнения для Поморья, Сибири, смена гарнизонов городов, крепостей. В 1594 году устюжский воевода Горчаков получил предписание расследовать бесчинства казаков: «крестьян грабили и жен их соромотили... На Бобровском яму... у Игнашки Селянинова атаман Евстрат, выломив коробью, поимел платье... Едучи с Бобрового яму, крестьян бил и грабил, овцы и свиньи убил».

В 1598 году умер бездетный царь Федор Иванович, перед кончиной озабоченный больше участью жены, чем сиротеющего престола. Земский собор избрал государем всея Руси Бориса Годунова, брата царицы Ирины.

Взойдя на трон, земский царь скостил с крестьян недоимки. Местности, потерпевшие от войн со Швецией и Литвой, были освобождены от налогов сроком до 10 лет. Преследовалась хмельная пагуба, иногда целиком с запретом продажи водки. Складывалась реформа просвещения — в будущем со школами для обучения иностранным языкам, с открытием то ли академии, то ли университетов. На Западе усиленно вербовали ученых, рудознатцев, художников, зодчих. Аудитории Сорбонны, Кембриджа — лучших университетов приняли первых 18 русских юношей. За границей были закуплены два морских корабля — под российские товары.

Организованное заселение Сибири началось, едва Москва известилась об успехах Ермака. Скажем, Каргополь уже с 1583 года исполнял приказ: снаряжать в отъезд самых опытных, работающих земледельцев.

Густел людской поток на большой дороге, — видимо, тут нет преувеличения.

Безвозмездно семья переселенца наделялась тремя лошадьми, тремя коро-

вами, не говоря об овцах, свиньях, домашней птице. Выдавался хозяйственный инвентарь, продовольственное и посевное зерно, льносемя и деньгами 25 рублей.

В Сибирь! Там воля... Там бабы по воду идут — соболей коромыслами бьют!

Наемный работник в год получал за труды около рубля, значит, 25 рублей — это сумма. Дивились иноземцы русской дешевизне: крошечная, с рыбью чешую серебришка покрывала суточные расходы семьи на питание.

Тем сокрушительнее потряс страну голод: три года подряд весной ледяные дожди, летом снег, три года неурожаев. Русь ослабла, потеряла в обороне рубежей. Осенью 1604 года ее границу со стороны Польши пересек отряд: наемная панцирная пехота, уланы с разноцветьем флажков на пиках, гусары с заплочными крыльями, чьи перья издают пугающий чужих коней гул. Вел рати малый — лик в бородавках, рыжие пряди льнут к потному лбу. Осенял его красный, в черных двуглавых орлах стяг, восклицал юнец пылко:

— Иду на прародительский престол!

Ему выносили хлеб-соль, без боя отворяли ворота крепостей.

Ходоками изустно, листами за орленой печатью распространялось: «Жив Дмитрий Иванович!» Бог спас отрасль Ивана Грозного от ножа неверного раба Бориски Годунова. С младости отвержен скитаться сиротски, ныне царевич внял слезам крещеных, терпящих гнев Господен гладом и мором за злодеяния похитителя престола. С ним ляхи, немцы, своих милостивец жалеет и сулит покой, житие безмятежное, льготы, пожалования, о каких нам не чается!

Воззваниям Кремля — Русь прельщает дьякон-расстрига Гришка Отрепьев, — ну кто верил? Не бывало эдакого и быть не может, чтобы беглый монах посягал сесть на великое царство!

13 апреля 1605 года, говорят, от огорчения, скоропостижно скончался покинутый народом Борис. Ликующая Москва очищалась в ожидании Дмитрия Ивановича: 10 июня под наблюдением князя Василия Голицына, дьяка Шеремединова, дворянина Ивана Молчанова последовала расправа над семьей покойного. Убийство шестнадцатилетнего Федора Годунова, сына и наследника земского государя, собственно, царевубийство без суда и следствия, открыло простор позору, поименованному от современников Великой Смутой.

Самозванец присвоил себе титул императора, боярскую думу нарек Сенатом, короновал невесту, польскую воеводянку Марину Мнишек, и был пристрелен в разгар свадебных торжеств.

Боярский царь Василий IV Шуйский и восстание Ивана Болотникова. Новый самозванец — Тушинский вор и присяга польскому королевичу Владиславу. В Москве хозяевами поляки, в Великом Новгороде шведы...

Такие, допустим, грамоты спускало Тушино в Вологду, вымогая поставки силой оружия: «...с выти со всякие по чети муки ржаной, по чети муки пшеничной, по чети круп гречневых, по чети круп овсяных, по чети толокна, по чети сухарей, по осьмине гороху, по два хлеба белых, по два ржаных, да по туше по яловице по большой, да по туше бараньей, по две полти свинины свежие, да по две ветчины, да по лебедю, да по два гуся, да по два утят, да по пяти курьев, по пяти ососов (поросят), по два зайца, по два сыра сметанных, по ведру масла коровья, по ведру конопляного, по ведру рыжиков, по ведру грудей, по ведру огурцов, по сту редек, по сту моркови, по чети репы, по бочке капусты, по бочке рыбы, по сту луковиц, по сту чесноку, по осьмине сметков, по пуду икры черные, да по осетру яловцу, по пуду красной рыбы, да питей по ведру вина, по пуду меду, по чети солоду, по чети хмелю»...

Сколь ни различны размеры «выти» — площадей угодий, подлежащих налогообложению, и весовая наполненность «чети» — до 24 пудов, — Тушино получало по высшему разряду.

Платили, — куда денешься? Впрочем, не все. Устюг наотрез отказался признавать Тушинского вора. Чтобы не пропустить сборщиков даней, разбойничьи шайки, был усилен гарнизон Брусенского Городка, на Юг и Молому выдвигались заставы.

Повторим: на взлете подсекла страну Смута! Как пропустить, что в 1604 году архангельские причалы приняли под разгрузку 29 кораблей Англии, Франции, Голландии?

Центр страны стал пустыней. Уцелевшие жители мерли с голоду, прячась в лесах, дикое зверье рыло норы, заводило берлоги, логовища в брошенных городах, в руинах монастырей и церквей.

Не вехи — трупы повешенных, посаженных на кол помечали дороги к Варшаве через разливы снегов, где волоклись обозы с добычей, сокровищами кладовых Кремля. Возы драгоценностей, золота и в глухой кибитке, окруженной стражей, русский царь Василий Шуйский — на глумливое поругание и смерть в плену.

Почему мы забывчивы? Было это, было!

Да не погаснет у нас свеча памяти по героическим защитникам Троице-Сергиевой лавры и ремесленной Устюжны Железнопольской, Кирилло-Белозерской обители и Смоленска, преградившего пути к Москве армии польского короля Сигизмунда III... Да не забудем: сколько в человеке памяти, столько в нем и человека!

Устремлялись отколоться Казань, тянул обособиться Великий Новгород, обрывались связи с Сибирью. Пал Смоленск — некому вставать на стены, к пушкам, а мертвые сраму не имут... Головнями рассыпалась, пеплом разве-

ялась Москва, огонь миновал единственно Кремль и часть каменных построек с квартирами шляхты, жолнежей польских, солдат-наемников гарнизона.

Мысль — сжечь Москву с ее населением, раз бушует восстание, на улицах, на площадях бои, — подал боярин Михайло Салтыков. Господам-временщикам народ в обузу — надо бы помнить. Народ, российский народ, еще в XVI веке объявленный польским Сеймом «бунтливый и вероломный», то есть вне закона. Сигизмунд III дополнил решение Сейма инструкцией: покорить Московию руками москалей... Надо помнить, ибо забытое прошлое имеет свойство вторгаться в жизнь и мстить беспамятным!

Воистину на краю разверстой пропасти возник Совет всей Земли, вдохновляемый патриархом Гермогеном. Погиб святейший пастырь в подземельном заточении, слово его продолжало объединять на противоборство Смуте.

Постоять головами за Отечество поднялись окраины. Ополчение Великого Устюга, Соли Вычегодской, Тотьмы, других городов, волостей разбило врагов у стен Вологды, поучаствовало в очищении Костромы, Галича, Ярославля. Ясно, северяне влились в рати нижегородца Козьмы Минина и князя-воеводы Дмитрия Пожарского.

Веками 22 октября (4 ноября по новому стилю) празднично чествовалась икона Казанской Божьей Матери, образ Заступницы Небесной — в память избавления Москвы и России от иноземных поработителей в 1612 году.

2 февраля 1613 года Земский Собор избрал на пустующий трон шестнадцатилетнего юношу Михаила Федоровича Романова.

Не в одночасье бушующая половодьем река обретает исконные берега: на быстринах плескаться меж камней, дробить слепящие солнечные блики, заставаться в темени омутов и нежить белоснежные кувшинки. Ревет, клокочет мутный поток, под яростным напором обрушиваются с подмытых круч пласты дерна — там с деревьями, тут с постройками. Горе тому, кто рискнет пустить челн через бешеную стихию — понесет его, закрутит в водоворотах и добро, коль живым выбросит где-нибудь на отмель, в щепы разнеся лодку.

Лесной пожар, поглотив в море огня боры, рощи и встретив мшистую, в пятнах озерков, заиленных протоками болотину, вместо того, чтобы смириться, уходит в глубь торфяной толщи. На поверхности ковры сочных осок, рдеют россыпи морошки, птаха-кроха с ивового куста тенькает, как из горстки в горстку пересыпает серебряные грошки, под боком моховой кочки дремлет зайчишка, а в прорве бездонной неслышимо гудит испепеляющее пламя, выдавая себя клочкотаньем пузырей газа и стелющимся понизу синим чадом, напускающим смертельный угар...

Зыбко, неопределенно было на Руси. И угарно, угарно!

Свиристествовал потерявший человеческий облик сброд атамана Баловня, хищничали недобитки полковника Лисовского, Яна Петра Сапеги, добираясь к Онеге, к Холмогорам. Несли урон Тарнога, Вага. Дважды Сигизмундом III и его сыном Владиславом осаждалась Москва, у Арбатских ворот гарцевал казачий гетман Сагайдачный.

Договоры о мире с Швецией, Польшей лишили Русь не менее сорока городов, крепостей с гарнизонами и вооружением, как Смоленск, Белая, Чернигов, целого ряда уездов, совершенно отрезали от Балтики.

В Великую Смуту погибла половина населения Руси — 7 миллионов человек...

Не сказать, что общие невзгоды стороной обошли Устюжский уезд. Край, однако, перемог лихое безвременье с неизмеримо меньшими утратами, чем сердцевина страны, что обуславливалось его отдаленностью и в какой-то степени заблаговременно принятыми мерами. Обычай сельских общин создавать своеобразный страховой фонд на случай непредвиденных обстоятельств помог смягчить удары неурожайных «зеленых лет». Повторим, что Устюг сторонился самозванщины, изменного боярства. В январе 1613 года сохранивший силы город отбил приступы бродячих шаек, они отступили в сторону Кичменгского Городка. Стало быть, и этого наскока избежало Присухонье.

Все-таки в пожар уберегись-ка от огня! Поэтому, когда земское устройство, перепись податных сословий в 1619 году и чуть позднее достигли волостей Сухоны, непонятно, отчего писцовых книг избежал, например, Березов Наволок, а Петрушинская (Нюксеница тож), помечена нежилой. В голодные годы постигло запустение? В Смуту пострадали?

Некоторое зримое представление о Присухонье начала XVII века можно получить от «Чертежа земли Московской». Считается, карту выполнил царевич Федор Годунов. Работа искусная, с сеткой Меркатора, поражает точностью. На ней древняя наша волость отражена Городишной. Брусенцем, Устьем-Городищенским, Дмитриевым Наволоком, Бобровском.

Жаль, утрачен «Большой Чертеж» — наиболее подробная карта древней Руси. В Смуту вывезена за рубеж вместе с частью архивов, с сокровищами Кремля? Может, были нанесены на нее границы административных единиц?

Раньше образование волостей, не то что уездов, входило в прерогативу высшей власти. Например, к царю Василию Шуйскому в 1607 году доставались крестьяне вытегорского Шимозерья, дескать, в Ошту попадать далеко. Шуйский удовлетворил челобитье, прежняя волость разделилась на две. Предположительно, Городишная — Годишная тоже дробилась с ростом населения.

Истари Устюжская земля занимала громадные пространства, и велик простирался уезд в XVII веке. К нему относились волости по Северной Двине с Красноборском, Черевковым, по Вычегде — до ее срединного течения, верховья Унжи и т. д.

Согласно первой после Смуты переписи, Устюжскому уезду принадлежали волости Присухонья:

1) Городишная — 47 деревень, 150 крестьянских дворов, 192 тяглица-налогоплательщика.

2) Брусенская — 15 деревень, 110 крестьянских дворов, 140 тяглицев.

3) Бобровая — 11 деревень, 23 крестьянских двора и в них 43 человека податного сословия. На Бобровском яму 31 двор «ямских охотников» — ямщиков, обеспечивающих правительственную связь.

К Тотемскому уезду в Нюксенском Присухонье относились:

1) Уфтьюга — 2 погоста, 28 деревень, 1 слобода. В них 120 крестьянских дворов, поземельные подати от 174 человек.

2) Дмитриев Наволок — 1 погост, 27 крестьянских дворов, 41 налогоплательщик.

3) Сученьга (Сученга) — по реке Сухоне ниже устья Бобровки и по реке Сученьге, левому притоку Сухоны — 1 погост, 17 деревень, 1 починок, 82 человека.

Перепись вбирала меньшую часть населения: исключалась ближняя родня налогоплательщика, жившая с ним, дети мужского пола до 15 лет, воинство гарнизонов крепостей, монашествующие, нищие и т. д. То есть волостями объединялось гораздо больше жителей, нежели помечали столбцы. Напрашивается догадка: как в XII веке из Ростова, рассадника христианства, окатывались в лесную глухомань остатки язычников, в частности, из племени меря, так в Смуту, жизнь бы уберечь, наверное бежал народ из охваченных «литовским разорением» областей и сюда, на Сухону. Ростов был выжжен; кровавые погромы перенес Ярославль; пожары, убийства, грабежи — Вологда. Дарило Присухонье защитой — своими чашобами хвойными, хлябями болотными, воинскими заставами и крепостями.

Крепостям Присухонья государство уделяло внимание на протяжении всего XVII века: пусть тыловые, они, служа безопасности движения по реке и дорогам, являлись пунктами сбора «посохи», принимали на отдых следующие по назначению стрелецкие, казачьи отряды.

Брусенцу, поселению торговому, зажиточному, соответствовала крепость, главенствующая в Нюксенской стороне. Насыпь здесь была высотой 50 метров. Писцовой книгой сказано: городок «поставлен острогом. А у городка двой ворота: большие да водяные. В городке ж амбар зеленый, а в нем 5

пищалей затинных железных, да 4 пищали да самопал ручные, да 1 пуд. 27 гривенок зелья да пуд свинцу, да пулек дробовых 5 гривен, да 1450 ядер железных».

«Зелье» — обычный порох, «затинные пищали» — малокалиберные пушки, бывшие со станин, самопалы и ручные пищали — вооружение пехотинцев.

Городку-острогу надлежало располагать гарнизонным арсеналом, дворами для мирных жителей и хранилищами их добра и продовольствия на время осад.

Брусенец, Бобровское — городки прибрежные, Городишная — полевой и лесной. Надо думать, он хорошо вписывался в окружающий ландшафт, хорошо смотрелся в просторе нив, пожен, гордо господствуя и над ними, и над окрестными деревеньками. Башни-стрельницы, блеск бердыша сторожевого стрельца, боевые амбразуры внушали надежность Лопатинскому полю в рядах сулонов, стогам Наволок, где на зеленой отаве пасутся перелетные гуси, и стуку топора с Пошкала — кто-то небось расчищает подсеку хлебушек сеять...

Но в документах-то 1619 года сказано о Городошной: «городок погнил и обвалялся».

Без государственного пригляда он захирел? Руки мужиков не доходили до того, чтобы его подправить? Многие крепости, в Смуту обветшав, требовали ремонта.

Перепись 1623 года уточнила число поселений, земельные владения крестьян. Волостью Городишной объединялось 46 деревень, одно село, один починок, 4 пустоши («падутся наездом»). Всего пашни 460 десятин, с покосов снимают 4575 копен сена — пудов по пять каждая.

Упоминаются писцами Киселево — 4 двора жилых, один пуст; Макарьево — 4 двора; Жар был люднее — 6 дворов; Леменское тоже населеннее — 9 дворов жилых, один пуст... Еще Бор, Быково, Брызгалово, Лопатино... И все это в начале XVII века! Понятно, далеко им до Бобровского, промелькнувшего в письменных источниках за 1425 год, а все-таки что-то значит ощутить, что корни городищан питаются толщей столетий. И корни придется углубить, если согласиться с выводами исследователя северного крестьянства профессора П. А. Колесникова. «По нашим подсчетам,— утверждал историк,— не менее 90% всех деревень, что перечислены в писцовых книгах XVII века, были построены в XIV — начале XVI столетия».

Правоту ученого, между прочим, подтверждает сама людность городищенских селений. Издревле в обычае были починки, заимки на один-два двора, на одну-две семьи. Чем больше дворов, тем деревня, как правило, старше. В понятие же «деревня» включалось и крестьянские усадьбы с постройками, и пашни, сенные покосы, поскотины, и лес, используемый для хозяйственных нужд.

Поэтому по Устью Городищенскому занесено в свиток: «Село Богоявленское, что были деревня Бор на реке Сухоне в устье реки Городишной, а в ней дворы, пашни паханой средней 31 1/2 чети, 160 копен, леса пашенного 14, непашенного 28 десятин».

Четь пашни равнялась приблизительно половине гектара.

Из пометок древних актов вытекает: при трехпольном землепользовании у нас возделывали зерновые и крупяные культуры, горох, водили хмель, лен, коноплю (ее волокно, например, шло на рыболовные сети). Земли, издавна обрабатываемые, пополняла «роspашь топорная» — подсеки, которые после пожара порубочных остатков, очистки занимались рожью, льном, репой. Липа — индикатор доброкачественных почв, делянки с ее преобладанием в древостое разделялись под пашню в первую очередь. Без необходимости с посек не убирались пни, не производилась пахота — прореди бороной удобренную золой дернину, и довольно. «Пенник» скудно оправдывал затраченный труд, его забрасывали — «однохлебный», чего с ним возиться? Урожай добрые, подсекой пользовались до истощения почвы или вводили, как «кулигу» в севооборот, или становилась она покосом-пожней. Взята под распашку целина, обретенную ниву называли «дором». Лесные пожары — «гари» — тоже могли приращивать угожья...

Дор, Гари — говорят сами за себя деревни, чему обязаны возникновением!

Любопытно, что и заброшенная «топорная роspашь» радела деревне: если на ней по бороздам поднималась сосновая молодежь, осенью обильно высыпал ядреный боровой рыжик. Снедь знаменитая охотно раскупалась монастырями, туеса с ней были ходким товаром Обжорного ряда, шумевшего рыночной сutoлокой, почитай, у стен московского Кремля. Разрастались на росчистях малинники, кустилась земляника — улада деревенского детства из века в век, как столетиями у нас продолжалась система подсечного земледелия.

С центром сегодняшнего района речка, протекающая через него, поделилась именем. Звучало оно так: «деревня Петрушинская, Попадьино и Нюксеница тож». Попадьино, — позвольте, как это понимать? У Петруши, сию деревню заложившего, дочь высватали и столь хороша попадья выладилась, слава о ней века пережила? Иль, бывало, что ни девка тут, бела, крупичата, то и в попадья метит? Позднее вернемся к названию, повод есть серьезный.

Селенье окнами на Сухону к 1619 году предстало нежилым — Пустошью Нюксеницкой. Вскоре жители вернулись, свиток от 1623 года пометил, что в Петрушинской 5 дворов, 8 налогоплательщиков. Владения мужицкие: «пашни паханные худые земли и что на Дубровке на Черном лесу 12 чети в поле, да в дву по тому ж; сена на реке Сухоне до устья Горовица и вверх по Сухоне до речки Кичюги 22 копны, лесу пашенного 4 десятины, а непашенного 9 деся-

тин». Перепись 1656 года, отметив рост налогоплательщиков до 24 человек, обозначила фамилии: «Федка Микитин Лукинский, Анисимко Андреев Березин, Кузька Васильев Бакланов» и др.

За Городишной волостью писалась «черная деревня Дубровка, а Космарев двор тож, на речке Святице, 5 дворов». «Черная», следовательно, жили в ней, как в целом в волости, государственные крестьяне. До середины XIX века деревня звалась Космаревской, просто Кулигой, затем сдвоила наименование — Космаревская Кулига.

Емок, красочен язык старины. Жаль, понес потери. Забылось, какой берег Сухоны «ходучий» и какой «дикий», «глухой».

Примем подсказку из документов XVII века: «деревня Большая Сельменьга на реке Сухоне на дикой стороне».

Левый берег рек с устьем на север обычно низкий, отлогий, по нему легче было шагать бурлакам, спускать и поднимать суда против течения конной тягой. Не то правый берег — часто отвесные кручи обрываются прямо в воду. Здесь селения преимущественно на притоках основной артерии.

Чуть-чуть почерпнем из писцовых книг о границах волостей. «А межа учинена Дмитриева Наволока земле и лесу, и санным покосам, и всяким угодыям по старым урочищам, куды указали старожилыцы тое же волости Дмитриева Наволока крестьяне, выборные люди: по реке по Сухоне по дикой стороне по устью речки Ряшки, а за речкою Ряшкою вверх до речки Верхние Ряшки, а Верхнею Ряшкою в гору до большого лесу до острова, от реки Сухоны по левую руку речек Ряшек земля и лес, и санные покосы и всякие угодыя Устюжского уезда погоста Городищенского Устья и Городищенской волости».

Другой отрывок: «Рубеж Уфтыгской волости: по ходучей стороне реки Сухоны по Мельничный ручей, что против погосту Усть-Городищенского, а Мельничным ручьем в гору прямо до болота до Нюксеницкого; а от устья ручья Мельничного да вверх по реке Сухоне по речку по Юмшанку. А по дикую сторону реки Сухоны снизу до устья реки Городишны да вверх Сухоною ж рекою по речку по Говолжанку»...

Рубежи волостей утверждала Москва. Свыше регламентировалась также четкость границ отдельных деревень, в чем кровно были заинтересованы жители. Свод законов, Судебник 1589 года, предписывал блюсти даже высоту городьбы: в семь жердин — для полей, в девять — для гуменников с кладями снопов. Пастбища-поскотины следовало обносить осеком, достаточно плотным и высоким — срубленными, в одну линию уложенными деревьями, кустами. Граница в лесу «меж деревнями случится», Судебник указывал: «на осек став, топором шиби» — дальше броска топора «вопчий лес царев и великого князя».

Земель кругом вволю: бери, сколь по силам обработать. Скота припускай, сколь прокормишь...

Всяк волен пахать и сеять, где ему пригоже. Токмо соседу не мешай!

Поморье, еще раз скажем, оказалось меньше задето разрухой, оттого ему выпало подставить плечо стране, встающей из руин Великой Смуты. Откликнулись промышленники Соли Вычегодской Строгановы, ссудив казну деньгами. Тем не менее сносить растущее бремя поборов стало долей городских посадов, крестьянства Севера.

Как тяготу непомерную выдержали наши деревеньки, их пашни и покосы, похоже на утлые островки в хвойном море тогдашних суземов?

Столичные чиновники «меряли и писали леса и болота, непашенные места и пашенные», в результате поднесли уезду... Изыщи, Устюг, даней и оброков 5942 рубля, для московских стрельцов жалованья — 3451 рубль, на «сибирский запас» — 2204 рубля 20 алтын, «ямских денег» — 10000 рублей! В общем, набегало до 60—70 тысяч.

А раньше, например в 60-е годы XVI века, как у нас обстояло?

Явствует из документов о взимании платежей по раскладке:

- царевы государевы дани и запросы,
- казначеи и подъячи пошлины (управленческие расходы),
- ямские деньги (обеспечение транспортных сообщений),
- соколий оброк (на отлов и содержание ловчих птиц, из которых белые полярные кречеты служили драгоценным даром коронованным особам при заключении и продлении межгосударственных договоров и сделок),
- на «посошных людей» (то есть исполняющих воинскую повинность),
- за ямчужное дело (изготовление селитры, необходимой при производстве пороха),
- за городовое и засечное дела (строительство крепостей, другие оборонительные мероприятия),
- пищальные деньги (оснащение войск огнестрельным оружием).

Тоже, знаете, подбиралось немало!

Деля первые шаги из развала Великой Смуты, державная Москва бросала взгляды далеко вперед — в будущее Сухоно-Двинской магистрали.

За Нюксеницей обратила на себя внимание Березовая Слободка, по древним документам, Березов наволоку, «что пашется наездом». Запустелая, безлюдная деревня в 1623 году была отдана «на льготу» десяти «беспашенным бобылям». С них снимались подати, платежи, взамен поручалось — за шесть лет поставить 10 дворов и «лес черный и молодой сечь и расчищать, и пашни распахать, и сено косить».

Как прибрежные селения, освобождались от налогового бремени наволо-

ки Котов и Звеглицев. Предписывалось им «зывать охочих беспашенных людей и садить две слободы», по десяти дворов каждая.

Что касается Городишной, в прошлом опричной, писцы обложили волю вдвойне. Просьбы селян разобраться по справедливости отменялись ссылками на указ государя. Действительно, Михаил Федорович утвердил двойное налогообложение, городишане несли его полвека кряду.

Но и рассчитавшийся по налогам, погасивший недоимки сухонец и городишанин перед властями оставался в долгах, исполнять которые могли его призвать в любой день и час.

Взяв исток в озере Кубенском, кротка она, тиха, бывает, что весной покорно пускается вспять. Ее разливы в низинах — вода и вода, дальше горизонта стоялая вода.

Где-то перед Шуйским берет Сухона разбег. За Тотьмой ее не узнать: чем дальше, тем она напористей, тем выше и выше берега. Мохнатые, покрытые лесом, и голые, со слоистыми обнажениями известняков, глин, песков, берега в оползнях, ржавых потеках. Кручи изрезаны буераками, нависают, и небо выглядит порою уже реки.

Сдвинулись теснины, поток между ними клокочет на перекатах, стелет шипучую пену от валунов, завивает тугие струи над каменистыми грядами. Камни, там и сям в ложе реки камни — одиночные, выставившие упрямые лбы, и россыпью, «огрудками». Берега расступились — широки плесы с цветной галькой, отмели, прогретые солнцем. Течение лениво шевелит подводные травы, как русалка расчесывает косы, и жемчугом светятся осколки раковин на песке.

Поворот, еще поворот — снова вздыбились кручи, иногда ввысь метров на 50—60, опять ропот воды, опять смытые дождями с вершин пласты дерна с громадами слок, сосен, чтобы нагромождать завалы стволов, коряг у приплеска. Левый берег отступил, положи по нему луга-наволоки, до каймы ольховых перелесков обозримы поля-пажити, зато правый берег крут, гладок, точно стена. С обрывов кренятся деревья, словно заглядывают вниз, где переливается в воде отражение меловой кручи, будто бьет вдоль берега струя молока...

Выдавала в прошлом Сухона речникам задачи — успевай решать.

Во-первых, течение. Из Вологды до Холмогор тысячеверстный переход укладывался в 35 суток, проводка судов против течения на четырехкратно меньшее расстояние от Великого Устюга в Тотьму занимала 17 дней.

Во-вторых, сложные, просто опасные для судоходства участки. Ими Сухона всегда изобиловала именно на нюксенском участке пути. У Брусенца Вели-

кая и Монастырихинская борозды протяженностью пять верст, перекаты — Деревянный, Притисный, Елишин... Потом Осетры, Буркун, Реченские и Гремяченские борозды, Нюксенское плесо... Дальше Мутовка, Скоморошница, Вилы... Да Бобры, Травник, Соколовское плесо, Красные груды, Востровская мель... 70—80 подобных преград!

Конечно, до Опок им далеко: русло порожистое, кручи в 80 метров высоты. Заслышав гул течения, достигающего скорости горного потока, бурлак бледнел, купец крестился: прonesи, Господи!

Движение судов осуществлялось под парусами и бурлаками, кое-где с подмогой конной тяги, в светлое время суток. Сунься на Сухону впотьмах: чего доброго, судно потеряешь вместе с грузом, напоровшись на камни, и молись, чтобы уцелела голова...

Ну а впрягся в бурлацкие лямки — тяни, ярыжка! Зной ли томит, хлещет ли дождь, раскаты грома сотрясают земную твердь, сыплет ли снежная крупка на хрусткий лед закраин... Тяни-и! В воду по горло оступился, лапти разъезжаются в глинистой жидели берега... Тяни что есть моченьки!

Разгулялась непогодь, белый свет померк,— зй, носник, бди зорко! От тяжелого весла онемели руки, уши гложнут в реве бури,— правь, кормщик! Табань давай-ка, табань,— видишь, нас на огрудки прет?

Естественно, к обслуживанию важнейшей для своего времени магистрали призывалось местное население. Позаимствуем из публикаций документов: в 1603 году с караваном соли в Великий Устюг прибыло 314 человек судовой obsługi, к Тотьме их число увеличилось до 592 человек.

Ясно, не Волга, куда до появления пароходов требовалось полмиллиона одних бурлаков, да и Северная Двина, и Сухона нуждались в навигацию в тысячах народу.

Команда струга состояла обычно из 4 ярыжных, как правило, гребцов, на мелководных быстринах работавших шестами. Дощаник, большегрузная набойница — бокастые, длиною метров в двадцать пять посудыны — в экипаж брали по 30—40 ярыжных, капитана-носника, кормщика и повара. Чаше был им нужен лоцман, знаток фарватера. Интересно, располагали сухонцы, двиняне лощиями, как поморы, плававшие Северным Ледовитым океаном? Наверное, водилось нечто похожее. Накопленный опыт, секреты речной изменчивой обстановки передавались из поколения в поколение, создавая династии потомственных лоцманов и капитанов. Любопытно бы знать, наделялись эти профессионалы льготами, привилегиями, подобно прославленным лоцманам Архангельского порта? Но что окружало их уважение и почтение, нет сомнений.

Ричард Ченслер и Антон Дженкинсон застали развитое движение с набором судов различного назначения, приемлемых для Двины и Сухоны.

Дженкинсон свидетельствовал: «Выехав из Устюга по Сухоне, мы приехали в город Тотьму; около этого города вода очень мелка, дно каменистое, так что здешним судам, называемым насадами и дощаниками, трудно плавать этой дорогой, по которой перевозятся товары из Холмогор в Вологду. Суда, называемые насадами, длинные, широки, замкнуты, плоскодонны, сидят не выше 4 футов над водой, могут возить до 200 тонн; на них нет никаких принадлежностей из железа, но все из дерева; при попутном ветре они плывут на парусах, в противном же случае для их движения нужно много людей: одни ташут судно... другие, на самой барке, двигают ее длинными шестами. На Двине много таких барок».

Вниз и вверх мимо Дмитриева Наволока и Нюксеницы проходили за навигацию около 500 судов.

Мало! К базарам Устюга сено, дрова, шкуры домашнего скота, овечью шерсть, холсты, говяжье сало и коровье масло, ягоды, сушеные, соленые грибы и прочее у нас по течению поставляли и на плотях. Поездка спешная, под мелкие партии товаров достаточно струга: есть сведения, как тотмич Иван Каплин на стругах ходил в Брусенский Городок вывозить закупленную рожь.

Неограниченным спросом на экспорт пользовался поташ, продукт переработки древесины, нужный текстильной промышленности. Скупщики, вероятно, собирали его и золу, древесный уголь для городских кузниц, плававшая между причальными селеньями.

О каюках упоминалось — осиновых долбленках с бортами, нарощенными досками. Вместе с веселыми лодьями их пускали на короткие расстояния и для скорой доставки людей. Заблуждала теща с Копылова в Устюг к зятю погостить, — под нее каюк-годеленьник, что ли, ставить, грузоподъемностью 5—9 тысяч пудов?

Пассажирские суда Вологды, Архангельска были оборудованы каютами, плыли важные путники с охраной и свитой. Как игрушки суда украшались, на корме вился флаг то Англии, то Голландии, музыка играла, оглашая берега.

Все-таки сотни судов, — иногда людей для них не хватало. Говорят документы: Бобровский ям подвела как-то Тотьма, отказав в смене экипажей, пришлось бобровцам тянуть лямку до причалов Вологды.

Сухона — камни, перекаты. Дожди льют — играет река, убирая прежние мели и намывая новые.

Засуха вообще прерывала движение больших судов: или разгружайся в Устюге, или становись на прикол до осеннего подъема воды.

А там падут холода, и плесы, заводи в считанные часы остеклит лед. Мука

мученическая — пробиться к какой-нибудь деревеньке и позаботиться об охране судна и груза!

Метель метет — плывут по сугробам обозы...

Мороз калит — трюх-трюх лошадка, звяк-звяк колечко в дуге...

Неужто об этом, пронизая даль грядущего, загадывали с песчаных своих насыпей крепости Присухонья — на припеке смолу точат бревна, флюгер-колдунец башни оседлал усатый сокол сапсан? Это пророчили по-немецки, по-английски заграничные карты, нацеливая внимание к таежному, ничем тогда не примечательному углу загадочной Московии?

Сбылось! Под товары Гостиного двора Архангельска, под грузы со складов Сольвычегодска и Устюга, Вологды и Тотьмы занаряжалось уездами в год по 10—15 тысяч подвод. С лихвой все сбылось, и глядите: нашенские деревеньки — проходной двор!

По выводам историков, ямская повинность являлась тяжелейшей в череде налагаемых на крестьян. Особенно северных, ибо она родственно смыкалась с речной страдой по обслуживанию водных путей.

Волости обязывались содержать в должном порядке дорожное полотно, канавы-кюветы, мосты через ручьи и реки, гати по топким низинам, болотам. В долг вменялось предоставлять гужевой транспорт всякому начальству, воинским командам, сборщикам податей, иностранным дипломатическим миссиям и так далее. Обеспечить проезжающих ночлегом и столом, лошадей кормом, при необходимости выделить проводников... Мужик, все в долгах мужик!

Ставить вехи, разгребать заносы вьюг... Пустяки, мелочи, главное — путины дальние!

Очень дальние выпадали они встарь устюжанам. Напомним, что до открытия в 1763 году Сибирско-Московского тракта на Екатеринбург предпочтение в сообщениях с Сибирью отдавалось освоенному, обжитому пути через Устюг, Сольвычегодск. За 2000 верст поставлялся «сибирский хлебный запас». Везли зерно, муку, соль, порох, свинец и оружие крепостям-острогам, железные поковки, товар отечественного и иноземного производства, местные изделия. Книжки — эти бесплатно и беспоплавно. Проще сказать, все лишь добавок к тому, что отправлено летом по воде.

В сотни саней тащился обоз. За обозом обоз! Чего не ехать, кабы не «шибели» и «нырки», на спусках «раскаты», опрокидывающие возы! Пройдут передние и выбьют дорогу — ухаб на ухабе, рытвинам конца нет.

Кони от сохи, от бороны, им волок в 25—30 верст, поди, уж предел. Надсадить худокормных недолго. Ямщик присядет отдохнуть, то под гору, на подъемах сам норовит Бурку либо Карюхе пособить, сзади толкая воз.

«До Турьи к Сретенью-то поспеем?» — держит он на уме. Скинет рукавицу-шубницу и, высморкавшись, крикнет:

— Ну, зачем нам эта Сибирь задалась?

В стужу не околели, пурга не замела, пропустил Урал, кладь в Верхотурьинске, так обратно — те же 2000 верст. Душа болит: успеем домой, покамест санный путь не пропал? Надобе Николе Угоднику поставить «тошую» свечу: помоги, милостивец святой, в Космаревскую Кулигу вживе-вздраве воротиться!

Когда «запас» хлебный был заменен денежным, в 20-х годах потерпела волость Городишная.

Внос — 250 рублей — был сдан в Устюг. На беду, пока он оформлялся подъячим Третьяком Гниляковым, скоропостижно умер воевода Федор Васильевич Боборыкин. Подъячий деньги утаил, пропали они на воеводском дворе, — как бы то ни было, с городишан востребовали погасить долг. Безуспешны оказались хлопоты мирских посыльщиков Гоголева и Мозжелина. Выбивать недоимку нагрянули с Устюга стрельцы. Очередной ходатай Беспута Попов угодил в уезде на допрос с пристрастием. Пришлось Городишной делать заем из высоких процентов: еженедельно их набегало по алтыну с рубля. «Волостишка обдолжала и обнищала, — плачет старинная слезница, — крестьянишки врозь разбрелись от немерного кабального правежа, а Попов с пыток слег»...

Так как — продолжим утверждать, что Сибирь России досталась единственно саблями казаков Ермака, громом пушек царских воевод, в боях и сражениях?

Помянули дальние дороги, скажем о ближних, уездных. Зимой извозом промышлял, кто мог. По найму и сами по себе.

Действовал порядок: пересек городские ворота Тотьмы, Устюга пешком, спросят, кто ты, откуда и плати пошлину; с товаром приехал, поклажу сдай на хранение, предварительно взвесив, — и плати за въезд и «с дуги», «весчее», «онбарное», в Таможенную книгу запишут, чей товар.

Вестимо, городскую стену не перескочишь. Плати и плати: таможня. Чай, жалко — за свое-то раскошеляться? Пошлины, экая прорва!

Непрочь были тароватые купчины, ровня знатным Грудцыным, братьям Момотовым, Губину, Усову, на дорогах ловчить. Вон Губин с Меркурием Обуховым и его сыном Дементием протянули обоз в стороне от таможни Березовой Слободки и попались. Раз их поймали, но сколько всего сходило им с рук?

На извозе расторопностью, хваткой отличался у нас Кузьма Незговоров из Брусенца, который гонял обозы для нужд Тотьмы из Тарноги, волостей

Костромы. Так таможенная запись Устюга от 20 декабря 1634 года гласит: «кокшары Семен Девятон и Иван Онаньев и Кузьма Незговоров продали ржи и пшеницы 33 чети... платили с 9 лошадей с дуги по 5 денег». Вдова Огрофена с Городишны, и та, пускай без фамилии, попала в Таможенную книгу, что на базаре торговала, а Незговоров частенько в ней мелькал.

Великий Устюг искони славился отменным пивом. Хмель пивоварам весомо, пудов по тысяче из года в год, поставляли волости Присухонья, с первенством в них Городишной. Например, городишане братья Соломенниковы за две ездки предъявили его таможе сразу 128 пудов.

Есть пометки, что хмель поступал с Дмитриева Наволока от Федора Коптяева и Семена Матфеева. Причем солидно, если оба внесли аж по 25 алтын пошлин.

Продавался хмель кипами, цены, конечно, зависели от насыщенности рынка и качества продукта. Ермола Березин с Нюксеницы за кипы весом 35 пудов 10 гривенков выручил 12 рублей, городишанин Григорий Полуяновых за 15 пудов — 4 рубля.

Таможенные книги позволяют судить о ценах в Устюге. В 30-е годы XVII века здесь корова стоила 1—2 рубля, лошадь «возовая» — до 4 рублей. Соль оптом шла по 8 копеек пуд, что не дешево.

Понятно, нюксенские дровни, брусенские розвальни не делали погоды на торговом большаке. Другой оборот несчетные рыбные обозы: в кадях соленая, в рогожных кулях вяленая, мороженая треска. Особно, с бережением и поспешно везли сельдь соловецкого посола — нежна она, зимних уловов, черствеет, промешкай с ней в пути. Завидев ямщиками монахов, смекал народ: кладь-то, поди, на Патриарший двор? Сопровождение из конных стрельцов, так это семга Печоры «для государева здравия»?

Вдруг лихие посвисты, хриплое пенье рожка — с берез полевой рошницы сорвало враспынную перепуганных тетеревов. Мигом очистился проезд: возы рассовались по обочинам, крытую кожей кибитку — в упряжке пара вороных, ездоком небось высокий чин — завалило набок, оглобли вверх торчат.

Пронеслись санки: у коня в гриве ветер, из ноздрей пар, на ямшике шуба, суконце лазорево, шапка вишневого атласа. Взвился снежный прах, и видение исчезло, заглож визг полозьев за поворотом.

Выпрастывая сани и лошадей на дорогу, перекликались ямщики:

— Ну стелет... Отчаянна головушка!

— Чего ты хошь — государева гоньба.

— Н-ну?

— Дугу гну! Бывать, царский указ за пазухой — с ним, брат, полетишь, ровно стрела оперенная.

Не упомянуть «ямскую гоньбу» — картина давнего былого потеряет яркую деталь. Всю страну покрывала сеть ямов, они осуществляли правительственную связь и почтовыми стали многим-многом позднее. У нас центральным был Бобровский ям, промежуточным — Жар близ Погоста.

Служба государственная, ответственная и опасная, добровольцы — «охотники» набирались в Москве и подчинялись Москве, специальному Ямскому приказу.

Новобранец в церкви крест целовал на присяге: «Ямскую гоньбу гонять с прежними охотниками в ряд, а на кабаках не пропиваться, и зернью и в карты не играть, и никаким воровством не воровать, и никуда не сбежать, и ямской гоньбы жеребьев своих впусте не бросать».

Опытным, проверенным гонцам назначали плату до 30 рублей в год, новички пробовали силы из двух рублей, одинаково все с «хлебным жалованьем» рожью и овсом. Пашня не нарезалась: только покосы для скота личного подворья.

Обязывался ямской охотник исполнять службу на любой дороге, в любую погоду. Конь стоял в сбруе — заведи в оглобли, и в путь. Осенняя слякоть расквасила большак, внешнее половодье сносит мосты, день ли, ночь ли... В путь! В путь!

На неизбежные тяготы наслаивался произвол местных властей. В январе, затем в марте 1633 года ямские охотники Бобровского били челом государю, что «обдолжали и осиротели», по два года не получая содержания.

Виновников зачем искать далеко: деньги задерживали устюжские толсто-сумы Иван Завалишин, Григорий Губин «со товарищи», выборные посадских города с полномочиями... содействовать бесперебойности водных и сухопутных коммуникаций!

Важность и трудность дорог Севера подчеркивала численность Бобровского яма — 31 охотник, в городе же Костроме, допустим, служило их 27.

Время от времени и не столь уж редко торговым нашим большаком овладевало пестрое, шумное многолюдство. Дробно стучали копыта конных отрядов, топали пешие. Солнце играло на стволах пицалей-ручниц и бердышах, колюче вспыхивало на остриях копий и боевых рогатин. Позади шли возы, поклажей — щиты, кольчуги, лопаты, кирки, топоры и котомки, котомки, котомки. У кого в котомке поверх сухарей пирог-подорожник, испеченный родной матушкой со слезами пополам, у кого полотенчишко, на память вышитое дреoley-любушкой.

Война!

На днях не с этой вестью проскакал гонец с Бобровского, обозы уступали ему дорогу?

Шагают браво молодцы, в седлах ухарски подбочениваются...

Ох, дождется ль вас из похода отцы-матери, жены с малой детвой и любушки-сударушки!

От волости к волости прибывать веренице саней с мужицкими котомками, шуму многолюдства. Тот в Копылове тес пилил на барку-дошаник, этот снег месил лыжами по раменьям Сарада, настораживал поставушки ловить белок, дорогих куниц — эво, рядом шагают. Чего уж, не попятиться, коли выпал жребий идти под пули, под картечь...

«Ратная повинность» — предыдущие страницы успели ее коснуться, как северная деревня полнила казну податями, доставало б ее изготовлять порох, строить крепости, лить пушки. «Стрелецкие деньги», «солдатские корма» — XVII век определил новые расходы.

На военные мероприятия, кроме постоянных, идущих в Москву налогов, встарь уезд при необходимости проводил мобилизацию средств с части или со всех волостей. Острая нужда возникла — сколачивали ратное ополчение с задачей оружия. Как правило, обходились «посохой»: волости от «сох», — облагаемых налогами хозяйственных угодий, выделяли людскую и тягловую силу, деньги, припасы. На местах набор разверстывался: по человеку с 20, 10, 5 дворов, по лошади с таких-то подворий, смотря по обстоятельствам.

Набеги, нашествия, — чего только не испытал в прошлом Устюг, город купцов и ремесленников, город-воин, веками стоявший на защите рубежей Московской Руси! 16 походов совершили устюжане только в XV веке, и куда ни направлялись рати, с ними следовали «посошные люди». Рытье окопов, траншей, оборудование артиллерийских позиций, подкопы, чтобы заложить мины, взорвать башни и стены вражеских крепостей — труд мужицкий. Использовалась «посоха» на охране обозов, стоянок, вообще вспомогательным войском.

Против «кондийских немцев» — шведов вылазка, и сообщала летопись: «Ходили Двиной рекою в море океан через Мурманский Нос». Стало быть: «посоха» несла службу и на судах.

Намечалась военная экспедиция зимой, как на Югру, против немирных остячков, вогульских князьков, к «пешей», «коневой», добавлялась «лыжная посоха».

Из 16 походов напомним об одном.

Поизгладились следы разрушительной кровавой замятии вокруг московского престола, кому его занимать, Василию II Темному или Дмитрию Шемяке, как в 1470 году в Великом Новгороде вскипели страсти, умело подогреваемые правящей верхушкой. На вече — народных собраниях горлом брали подкупленные крикуны:

— Воля-я... воля-я!

— Да сгинет Москва! Постоим за вольности новгородские!

— Да здравствует король Казимир!

Неотъемлемая часть Древней Руси, Великий Новгород был самобытной республикой, имел армию, вел прямые сношения с Западом. Солеварни, рыбные промыслы, реки, откуда пудами добывают жемчуг, леса с пушным зверем, пашни, луга... Король польский и великий князь литовский Казимир IV, видимо, воспринял договор о передаче под его покровительство Великого Новгорода, как нечаянный подарок! Воля? Свободы? Кому они, если не знати во главе с Марфой Посадницей и ее сыновьями, чьим честолюбивым замыслом мешало влияние Москвы?

Травой забвения покрыто, что Сухона едва не стала пограничем с Литвой и Польшей и холопами панов мужики Уфтюги и Сученьги, а было это, было.

Иван III двинул на отступников войска. Победная битва на реке Шелони, разгром двинян ратью Устюга с вятичами, Кокшеньгу «берут на щит» воложане... Было это, было!

В XVII веке вооруженные силы Руси переживали стадию реформирования. Солдатским, драгунским частям «нового строя», обучаемым и оснащаемым по примеру передовых армий Европы, требовались пополнения: к 1671 году уезд отправил 2474 человека. Доказывают документы: под ружье ставились прежде всего «нищие, бедные, оскуделые». «Посоха» была делом временным, солдатчина длилась едва ли не бессрочно. Теряя самых здоровых молодых работников, крестьянские семьи закладывали или продавали дворы, бросали землю.

Летом 1632 года на юг Руси прорвались крымские татары: пленные — товар невольничьих рынков, дорогая добыча и полная безнаказанность! Понравилось, следующим летом крымчаки повторили успех, выйдя к предместьям Москвы: досталось им 6 тысяч одного полона.

Где были русские полки? На войне, чтобы вернуть стране Смоленск. Кампания не сложилась — отступили с уроном, потеряв артиллерию.

Устюжский уезд отправлял под Смоленск «посоху» из 130 человек с лошадьми, волостями было истрачено 8000 рублей.

«Солдатские корма» обходились уезду ежегодно в 12000 рублей, запросы на новобранцев не иссякали.

Притоки Сухоны весной 1637 года постиг удар стихии: высоким паводком смыло массу приречных пашен, покосов. Совершенно запустела Подосиновская волость, подати за нее были переложены в том числе на Городишную. За бурной весной разразилась засуха, погубившая посевы.

Тем не менее был истребован двойной оклад для стрельцов столичного гарнизона.

На протяжении XVII века Русь словно бы не вылезала из войн. То, что уступали без боя обессиленные татаро-монгольским игом, что росчерком пера отдавалось самозванцами, продажным боярством Великой Смуты Польше и Литве, отчуждалось по договорам о мире, в лоно Родины возвращали кровью, громадными издержками. Белая Русь с Минском, Волинь, Русь Малая с Киевом, побережье Балтики... Топот российских полков по улицам Вильно и гром осадных орудий у стен Риги, свист татарского аркана в степях Дикого поля и острогрудые челны Стеньки Разина на Волге... Все так или иначе, пусть затахавшей волной, докатывалось к деревням Тотьмы и Устюга.

1 октября 1654 года Переяславльская Рада закрепила добровольное вхождение Украины в состав России. Между тем, кто помнит, что за Киев и, право, невеликие территории вдоль Днепра, Россия выплачивала Польше компенсацию? Сотни тысяч рублей — полтора миллиона экю, по подсчетам дотошных иностранцев.

Наскоки крымских татар, войны, походы — и с ратной повинностью соединялось взимание с волостей «полоняничьих денег», на выкуп пленных.

В 1689 году боярин и воевода князь Голицын двинулся на Крым. Чем война обернулась, отвечает хотя бы указ Устюгу: «...собрать с попов и причетников, с посаду и уезду... полоняничьи деньги по осьми денег со двора».

По-прежнему плыли вниз и вверх по Сухоне, по Двине караваны. Мимо Звезгливца и Вострого — меха, воск, лен, кожи, поташ, зерно... Мимо Копылова и Брусенца — роскошные ткани, вина заморские, колокола, готовые перелиться в пушки, и бумага под грозные указы... Мимо, только мимо, опуская прибрежную округу хиреть и замыкаться в тусклое захолустье!

После вешнего ледохода и до осеннего ледостава — суда, суда...

Парят чайки и, заламывая крылья, с протяжными воплями бросаются хватать мелкую рыбешку. Чернопегие кулики, забредя в воду отмели, выкидывают раковины, переливчато перекликаются:

— Кипит...

— Кипит-кипит-кипит!

Деревенька на берегу горбит крыши, топятся бани.

Молодайка, подоткнув подол, с камня полощет пеленки, рядом голопузый карапуз играет, пересыпая песок из ладонки в ладонку.

С реки издали донеслись удары бубна и звонкое распевное многоголосье:

*Чарочки по столику похаживают,
Ендова походя говорит,
Старым бабам полено сулит...*

Женщина выпрямилась, приставила к бровям ладонь козырьком: что еще там за веселье?

Из-за поворота показался дощанник: палуба цветет сарафанами, на растяжках мачты ветер треплет пестроту юбок, рубах-исподниц, кофт, вынутых из сундуков-укладок для просушки.

*В старых бабах корысти-то нет,
Только их и дело на печи сидеть.*

Поравнялось судно — развеваются ленты кос, дробь дробят босые пятки.
— Милые, куда вас гонят? — выкрикнула молодайка.

С середины реки голоса:

— В Сибирь...

— К казакам...

— Царь замуж выдает-е-т!..

Плыли суда с разным грузом и людьми,— чего и не несла Сухона на волнах своих во времена давние!

Долго колебался: не пропустить ли эти страницы не читая?

Государственная казна была пуста — наследие Великой Смуты. Где взять средства и не возмутить народ притеснениями, не подавить окончательно ремесла и торговлю? К чему прибегнуть, зная, что лекарства могут быть опаснее болезни?

Обратились к мере, которая лежала на поверхности, сама просилась в руки: «напойные деньги». Самозванец Лжедмитрий I, набравший обязательств перед католической Европой учинить Московию в вольностях по иноземному образцу, эту меру опробовал, когда открыл границы. Чаял, понаедут просвещать российскую темь ученые, мастера, рудознаты, наконец, купечество при тугих кошельках,— нет, скопом ринулись шинкари с горилкой. Ну и что — казне прибыль, и все довольны!

Устюг с 689 дворами горожан в начале XVII века имел 47 кузниц, другие ремесленные заведения, 203 лавки, складских и торговых амбара, 13 харчевен и всего 3 старых кабака.

Идя навстречу Москве, скоро число кабаков довели до 20.

Мало «стройных» — стационарных, пустили разъездные «гуляй-кабаки». Для предметного обучения набирались к ним «голыши»-пропойцы. Они покажут в деревнях, до чего забориста казенная горькая, и оравой прочешут избы: пил — деньги на стол и не пил — плати.

Пейте, крещеные, казенное пейте — свое с оглядкой смейте!

Около 1623 года был спущен указ о налоге с хмельного домашних изго-

товлений: «А кому будет лутчше х которому празднику и к родинам, и к свадьбам, и к родительским памятем пива или браги пьяные сварити или мед поставити... имати с пуда меду и с чети пива и с браги по две деньги, а пити тем люди питье... в три дни». Недопитое обязывали сдавать под печать до очередного праздника либо в государев кабак. Боже упаси утаить, пени наложат немилосердные.

За сбыт из-под полы наказывали: впервые уличены — продавцу хмельного штраф 2 рубля, с потребителя полтина; во второй раз — пять рублей и опять полтина, сбытчика вдобавок в тюрьму, «а из тюрьмы выняв, бити бадोगи нешадно, чтоб стоило кнутья».

Один гуляй-кабак обслуживал Опоцкую, Городищенскую и Брусенскую волости. Доход его равнялся почти ста рублям.

Сто на три волости? У соседней Уфтюги прибыль выше, даром что старается в одиночку!

Сухонцы старались, свидетель тому донос жителя Брусенца Андрея Логинова на священника тамошней Никольской церкви отца Еремея. «Поп Еремей со своими потаковщиками учал меня бити и увечити... — жаловался Логинов митрополиту Ростовскому, — сорвал с меня петь рублей денег да крест серебряной, цена 4 алтына 2 деньги, и платишко на мне порвал. Еремей во вси дни в кабаке, а к церкви Божией не ходит, церковь стоит без пения для его безшинства».

До внедрения новшества Устюг от торговли водкой казну пополнял на 7000 в год, спустя лет 15 — одни таможенные сборы по ее привозу давали 13000 рублей. Устюгом поставлялась казенная горькая в Холмогоры, Архангельск. В 1625 году было отправлено на Север сразу «500 ведр», в сделке предполагали выручить 284 рубля 10 алтын 4 деньги.

Ради беспристрастности надо сказать: расширение водочной торговли встречало отпор. По челобитью устюжского земства царь Михаил в 1639 году «пожаловал для их крестьянской скудости» с Брусенской и Городищенской волостей «кабаки свесть». На несколько лет уезд освободился от платежей стрелецких и солдатских денег.

Не приворачивали тогда гуляй-кабаки в Городишную, в Брусенец.

Ничего-ничего, за Сухоней на Уфтюге их уцелело сразу два!

Каждое время призывает своих героев. После Великой Смуты, в годы угарные, под Устюгом гремело имя Фильки Кабакова. На подводах с кучей подручников мотался он по деревням, чаще других навещая волости реки Юг и Кичменьгу, где имел усадьбу. Внезапно налетал, вязал мужиков, волок к себе на подворье, иных прямо в Устюг. Угрозами, пытками вымогал деньги, кабальные записи на имущество, земельные угодья, якобы крестьяне кругом у него в долгах.

Приспешники Кабакова забирали зерно, сено, угоняли коней, молочный скот. Славится у кого охотничья собака — и лайку хватай! Раз Филька польстил на штаны лосиной кожи, у земляка Еремы Курилова выбил 20 рублей наличными и расписку на 16 рублей и 40 куниц: не поставишь пушнину в срок — плати, моя оценка куницы 10 алтын.

Себя Кабаков выдавал за полномочного представителя воеводы, помощников — за государевых стрельцов. Чем не самозванец с Кичменьги, унять его некому?

Боялись наглеца, поелику он действительно состоял «у государева дела, при кабацких деньгах».

Продвигать водку — задача неизведанная. Брались ее разрешать хваты, грели на этом руки. Подробность уместная: Филька был сыном кабацкого головы города Устюга.

Творилось произволу — унеси ты мое горе! Смертным боем вышибали «напойную деньгу», случалось, люди гибли под бадогам. Тяжелое выдавалось похмелье: пил — плати, не пил — плати...

Помните, восклицал тверич Афанасий Никитин: «Да сохранит Бог землю Русскую... На этом свете нет страны, подобной ей!». И над просторами Подвинья, Присухонья витало жаркой мольбой: «Да устроится Русская земля!»

К востоку, к северу от Вологды искони темнели леса с вкраплениями пашен, покосов «черносошных», то есть государственных, вольных крестьян. Как глушь таежная, побережья холодных морей не слыхивали дробь копыт конницы Батыя, так села, деревни наши не знавали крепостнических отношений. Не то что барина-помещика, редкий кто на веку своим чиновника-то в глаза видел.

Жили общинами, имевшими права земского самоуправления. Необходимость артельности, мирской заединщины диктовалась природными условиями северного земледелия и промыслов. Земство, насыщаемое широкими полномочиями, упрощало и удешевляло управление удаленными от центра и слабо тогда заселенными территориями.

Обратимся к временам, когда Городишная впервые попала в летописи.

Государь Иван III завещал потомкам на великом княжении не измышлять новых податей, довольствоваться прежними и блюсти законы в большом и малом.

По Устюгу под рукой не оказалось документов, зайдем у Белозерья. В край, позднее вмещавший Кирилловский, Череповецкий, Белозерский уезды, в 1488 году был определен наместник только с двенадцатью приказными. Строго спрашивалось с чиновника, чтобы не ущемлял прав местных жителей. Следу-

ющий по личным делам, он обязывался ехать на собственном коне, без слуги, без запасной лошади. Предписывалось: «Где ночует, тут не обедает, а где обедает, тут ему не ночевать».

Утверждение государственной независимости, единовластия, местного самоуправления выступали для державной Москвы задачами, лежащими в одной плоскости.

Будучи единицей самоуправления, волость служила основой государственного порядка на местах, что было закреплено и усилено преобразованиями Ивана Грозного. По мнению историка северного земства М. М. Богословского, «реформа Грозного не создавала, не вызывала к жизни земских миров и их органов: они существовали и до нее. Но до нее они знали лишь свои земские нужды; она поручила им государственное дело... Выборные земские власти приобрели при этом двойственный характер. Оставаясь земскими по своему происхождению путем выборов, они становились государственными по источнику своих полномочий, даваемых им государственной властью и по тем целям, во имя каких они должны были действовать».

Основа основ — собственность. Деревни, следовательно волости, вбирали в свои границы наравне с хозяйственными угодьями лес, болота, реки, озера, но все на правах пользования, никак не собственности: «Мир Божий и земля Божья». Наместник Бога — государь. Неизменны в документах обороты: «земля царева и великого князя, а владею я», «земля Божья да государя, а отцовское и мое посилье».

Землю почитали свято, коштунственно было помыслить ее предметом купли-продажи. Вместе с тем в архивах довольно документов о сделках с землей. Северный крестьянин, предлагая к торгам, в аренду площади, «куда топор, соха и коса ходили», продавал труд, вложенный в их разработку, уступал право пользования, и ничуть не больше.

Органичным сочетанием норм христианской морали и сельского трудового бытия с формами российской государственности община показала необычайную живучесть. Исследователь крестьянства П. А. Соколовский в книге «Очерк истории сельской общины на Севере России», вышедшей в свет в 1877 году, сказал, например, о Городищенской волости: «Земля считается здесь Божьей и находится в общинном владении, организованном совершенно по тому же типу, как и в волости XV—XVI века».

Высшей властью общины, «крестьянского мира», выступал сход поземельных налогоплательщиков с вызовом по человеку от дворохозяинства. Отрешались батраки, арендаторы-половники, «бобыли» — кто не имел земли, кто с потерей надела потерял право голоса, кто не нес общих для крестьян государственных повинностей.

К «бобылям» относили рабочих соляных варниц, «ярыжек» — речников с судов, портных, гончаров, сапожников, учителей детей. На безземельных налагался особый оброк: в Брусенце, например, взимали ежегодно по гривне и 10 денег с «бобыльского двора».

Главный в волостях ежегодный сход 1 сентября. На нем отчитывалось старое, избиралось новое руководство.

Что старое, что новое — это волостной старшина с подручниками («соцкый» от ста, «пятидесяцкий» от пятидесяти дворов), «целовальник» и «судейки», «разрубной староста», «посыльщик» и т. д. Появилась нужда — общим советом выделяли помощников разрубному старосте, в ведении которого было определять в присутствии владельца угодий падающую на него долю податей. Понадобилось — назначили «старожильцев» для сотрудничества с приказными из Москвы по обмеру земель, по составлению списков налогоплательщиков.

Волость знала, кого куда выдвинуть: «Фоку приставляй сбоку, а Демид прямо глядит»!

На сходе по косточкам разложат, дедов и прадедов помянут, пока доверятся Демиду, скажем, послужить миру «посыльщиком». Честность — это само собой, раз денежную подать повезет в Москву, но нужна и бойкость и пронырливость. На дорогу ссужали посыльщика с конем полутора рублями, наказы ему наказывали: ушами не хлопать и рот не разевать. Москва... Москва бьет с носка!

Вороха вестей-новостей привозили посыльщики из града, на Руси царствующего! Про то, как к Кремлю прогромыхали через столицу дроги — это прахом, во гробе был возвращен поляками пленный русский царь Василий IV Шуйский... Про медный и соляной бунты — сорванные москвичами попытки властей поправить финансы чеканкой медной монеты взамен серебряной, резким подорожанием соли... Про патриарха Никона и казнь Стеньки Разина...

Посыльщик задерживался в столице, то как ходатай с хлопотами за земляков. Челобитные, жалобы сдавались в приказы боярам, дьякам и на имя государя. Подданные в древности имели право прямого обращения к царю. Примечательно, что крестьянин в прошениях называл себя — «твой сирота», дворянин — «твой холоп», лицо духовное — «твой молитвенник».

Через посыльщиков Москва свела о Фильке Кабакове: к престолу с мольбами о защите поступили десятки жалоб. Зарвался хват, вне сомнения, получил по заслугам, в острастку другим, неповадно б было порочить дело государево!

У посыльщика от земства был вес, влияние, тогда что говорить о тех, кто осуществлял главнейшее в деятельности местного самоуправления — сбор налогов и отправление правосудия?

Принимая должность, волостной староста присягал вершить дела «прямо, вправду... никому ничем не грубить... барышей и поминков не имати ни у кого ничего». Как в действия разрубного старосты по исполнению волостью повинностей никто со стороны уезда не мог вмешиваться, так без волостного старосты неправомочным делалось любое решение, коль касалось оно земель и жителей округа, его избирателей.

Обсудить насущные интересы земства в Устюге каждый год собирався съезд — «всеуездный совет».

Бывало, на Сухоне у причалов незнакомые лодки, подводами забит постойный двор: Черевково и Вондокурье, Уфтюга и Кичменьга — гостей-то, гостей со всех волостей!

На воеводском дворе, у съезжей избы толкотня и встречи.

— Брусенец, своих не узнаешь?

— А-а, здорово. Копылово.

— Что не весел, буйну голову повесил?

— А ты чего тут?

— Племяннику жеребий выпал во солдатчину. Не хочу, бает, убегу, говорит. Связанным привез баламута. Сдам ужо... Хо-хо, будет сердце на месте, пуп на середке! Но ты что?

— Осенесь в земские старосты выбрали.

— Излюбили? Ой, паря, ой! То-то на тебе лица нет. Эва куда попал-ал... Ну, грех да беда с кем не живут, судьбу на кривой кобыле не объедешь. Ладно в волости-то?

— Кабы! В недоимщиках мы.

— А занять? Князь Пожарский нашим сноровлял.

— Дмитрий Михайлович церковь Казанской Божией Матери строит супротив Кремля, наверно кажин рублик на счету.

Было, было: и новобранцев, случалось, привозили в уезд связанными, не-то разбегутся, и герой 1612 года князь Пожарский ссужал устюжан, и они из должников казне превращались в должников ему.

Правда, что сходкой выкликнутый будущий староста трижды благодарил за доверие, трижды слезно отказывался от высокой чести. Тяжкое ожидало его бремя, груз обязанностей такой, что кругом голова.

Организация исполнения ямской, дорожной, ратной повинностей, изыскание средств на внутриволостные нужды, контроль за судейками, указы из Москвы, распоряжения воеводы — что-нибудь да пропустишь! Без разрешения старосты ни зернышка хлеба, ни навильника сена на базар, — свои-то обеспечены? Сугубо следи за поземельными сделками, не ушли б на сторону уго-дья, с коих волость несет подати. Следи, староста, в оба следи, не утек бы кто из деревни — пустуй, поле, окна избы заколочены...

Крестьянский мир связывала круговая порука: за неимущих вносили налоги имущие, за сошедших с земли — оставшиеся. Сбор всей суммы был на ответственности старосты. При недостатке он от лица земства прибегал к займам, к долгам.

Не удалось добиться отсрочки платежей, не заладилось с займами, народный, обремененный доверием избранник попадал в острог на правеш — под батоги, покуда волость в недоимках.

Городишная не раз бывала должником казны. Испытали ее старосты: шагнул за порог острога — плати «влазное», сторожу-стрельцу 4 алтына; представу «ради поноровки», не бил бы больно — 10 алтын. Волостью погашена недоимка, нашелся поручитель, что деньги будут выплачены с пенями, сызнова давай: отпускают — «вылазное», кандалы сняли — «пожелезное». Нанимал староста лошадку, дома перед сходом винулся: «пеш дойти не мог, ноги на правеше отбили».

Неспроста волостные власти избирались всего на год. Более длительный срок такую нагрузку тяжеленько было сносить.

Ямскому старосте Бобровского, исправлявшему должность в 1620—1621 годах, довелось изведать худшее: семь лет под угрозой тюрьмы терпел, когда его проверяют из уезда.

Староста спознал острог и батоги — за общество пострадал. Крутые повороты не умаляли ему чести и власти в «излюбившей», то есть избравшей его волости.

Могла возникнуть — и в прошлом часто возникала! — необходимость в обороне округи. Старосте долг исполнять: «против воровских людей, против разбойников идти со всяким ратным боем, с луком и с пищальми, и с копьем»... Волость становилась вооруженным отрядом под водительством выбранных, опять же выборных сотника с пятидесятниками, сведущих в воинском деле. Опасность велика, то имущество спроваживалось в крепость, скот сгоняли куда ни есть в леса — хоть за Полюг, за Куерму.

Доходную статью у нас составляла охота. Сход определял ее сроки, количество снастей на «путиках» — ловчих тропах; в рыболовстве — единоличное или паевое владение тонями, езами, заездками, помчами на Сухоне и притоках.

Добыча пушнины поощрялась. Однако существовали законные строгости.

В 1635 году в Устюжской чети предавался огласке указ по ограничению промысла бобров и выдр. «Мы,— писал царь Михаил Федорович,— указали бобров и выдр капканами не ловить... а у кого после сроку капканы объявятся, и тех бы людей бити кнутом и доправити на них пени два рубли; а у которых людей капканы выимут в другие (во второй раз) или на ловле с капканами кого поймают, или который кузнец кому сделает капкан в другие или

старый капкан поделает, и тех бы людей... бити кнутом и поправити пени пять рублей; а у которых людей капканы выимут в третьие, или ково в третьие на ловле с капканы поймают, или который кузнец кому новый в третьие зделает или старый поделает, и тех бы еси людей за ослушание... бити кнутом нещадно и посадити в тюрьму до нашего указу, и писати о тех людях к нам в Москве подлинно».

О браконьерах докладывать лично царю, — тоже, знаете, век XVII-й!

До островков среди хвойников сократились «старые леса — липовые раменья» Сухоны, Северной Двины — источник меда диких пчел и занятий бортничеством; с истреблением соболя оскудел набор местных мехов на ярмарках Устюга; глубже в тайгу отодвинулась боровая дичь от наступающих пашен, покосов, полудневших деревень... Так, все так! Но если в течение почти двух столетий продержался на глухих речках бобр, еще в начале XX века сосновые боры-беломошники выпасали северного оленя и кровли крыш городишенской деревеньки Дунай украшались его рогами, а нам было с чем начать заботы об окружающей среде, общем доме всего на земле сущего, — разве нет в том заслуг прошлых поколений? Будем помнить, кому обязаны наследством, кто устранивал Русскую землю из века в век и спишем кнут и застенки на жестокости времен жестоких...

Сход 1 сентября, по официальному выражению, «людей пашенных», избирал волостной суд — проводить в жизнь законность, привлекать к ответу ее нарушителей. Проще сказать, пренебрегающих Божьими заповедями, ибо суд, как был убежден православный крестьянин веков давних, в руке Божьей.

У истца и ответчика нет достаточных доказательств собственной правоты, стороны стоят на своем — суд встарь обращался к поиску истины способами незапамятной древности: пыткам, поединку, жребию.

Прав — вынешь желанный жребий... Прав — не устрасит тебя палач. Прав — твой будет верх в поединке...

Бились волостные поединщики обычно на кулачки. Пытка сводилась к тому, что истец хлестал кнутом ответчика, стерпел ответчик, не раскаялся в оговоре — изволь истец лечь под кнут.

Свои судили своих, и на мягкие приговоры не надейся. Лодырь, пьяница, зачинщик драк — вон, в ссылку на Двину! Пойман на воровстве, с разбойниками якшаешься, уличен в убийстве — не взыщи... Могли приговорить и к смертной казни и приговор исполнить!

В состав волостных судов Устюжского уезда избирались земской судья, староста судецкий, двое судецких целовальников, сотский и пятидесятский. Им доверялось и дознание, и уголовное преследование. Принимая должности,

судейские крест целовали: вести дела «вправду, другу не дружить, недругу не мстить».

К «губным», значит уголовным делам, как грабежи, убийства, поджоги, воровство, присоединялся надзор за тем, чтобы искоренялось корчемство (изготовление и продажа спиртных напитков), разврат, азартные игры. Допустим, за пристрастие к картам не миловали: «править пени на государя царя — 11/2 рубля на человеке да тех картовщиков бить батоги нещадно».

Родила «безмужняя женка» — плати 2 рубля 8 алтын 2 деньги. Равно мужчине те же пени, раз «прижил беззаконного робенка». Чистое разорение, хоть корову за рога и на базар!

Вероятно, у судей и заседателей в волостях преобладали все-таки заурядные тяжбы, соседские споры, мелкие нарушения.

Семейные дела передавались духовенству. Показательно разрешение жалобы крестьянина Устья-Городищенского Григория Попова на свата Ариста Кондратьева и зятя Ведения, жителей Березовской Слободки. Вникал в разбирательство преосвященный Александр, архиепископ Великоустюжский и Тотемский, приказные архиерейского дома с сужонским священством. А конфликт был заурядный: Попов выдал дочь Ирину в семью Кондратьевых, да молодая женщина, по дому и в поле работница, пришлась не ко двору. Беда, изувечили ее свекор с муженьком! Под надзором архипастыря мир был заключен на том, чтобы Кондратьевы Ирине выделяли «по вся годы по ее смерть по мере ржи, по полу-мере ячменя, по полумере овса, по пуду соли, да на коты и чюлки давать по вся ж годы по четыре алтына, а ей... у них в доме не жить».

В ведение духовенства поступал разбор посягательств на женскую честь, на соvrащение малолетних, если по тяжести содеянного не возбуждалось уголовное преследование. Уличен насильник — готовься к «урезанию носа», треть имущества потеряешь в пользу потерпевшей.

По 30-м годам XVII века прокатилась волна грабежей, краж, убийств. Отзвук страшных лихолетий Великой Смуты, обесценившей жизнь, расшатавшей нравственные устои. Повод лежал и ближе — в обнищании волостей под гнетом налогов, раз от трудов праведных не то, что не наживешь палат каменных, а и вперед перебиваться из кулька в рогожку. Обстановка так накалялась, Городищина и Брусенский Городок не посылали представителей на всеуездные советы земства.

В августе 1635 года у деревни Копылово на Сухоне произошло нападение на лодьи дворянина Ф. Пушина, возвращавшегося из поездки в Томск. Вооруженных с ног до головы, в том числе нарезной пищалью, путников обобрали до нитки. Лихим досталось звонкой наличности, мехов, одежды и прочего на

583 рубля 30 копеек, как из Вологды оповестили царя ограбленные, прося милости и защиты.

Все путем, сухонцы, как ладом, нам и гулять, нам и тешиться: на корме атаман с веслом, на носу есаул с ружьем! Эй, не разевай варежку, стукни вон того... Стукни молотом, не отзовется ль золотом!

Встречаются в волостных судебных документах о грабежах, убийствах слова: «А у ноги стоял... лежал»... Что бы это значило? По обычаю, уличенного преступника привязывали либо приковывали к ноге жертвы. Стоит душегуб, инда сомлеет от запаха разложения трупа и ляжет...

Охрана, пропитание опасных преступников — деревням обуза. Провинились судейки смежной с Присухоньем Устьянщины перед Москвой, казнив трех разбойников и дававшего им пристанище Карлика Кота без утверждения приговора свыше. Нельзя, закон есть закон!

Кое-кто вовремя смекнул: повадней грабить без наказания. Удобно и выгодно, когда по закону-то, по бумагам с печатями.

Толки в Левобережье Сухоны вызвало дело о реке Порше Герасима Шалыпина. «Ведомый вор», по сказу однодеревенцев, изгонялся из волости и вернулся из ссылки. Сумел лихоимец оттягать эту реку у земляков: по закону взял, оброк вносит — с него взятки гладки! Вестимо, «деньги говорят — правда молчит».

Иски сутяга выигрывал: в 1637 году за ним в целом Поршу закрепили, от истока до устья, с росчистями и покосами; в 1639 году он востребовал возмещения убытков за 520 возов с крестьян, вывезших сено с его реки. Не воеводе печаль, коль мужикам скот нечем кормить! Горевать, да не Москве, раз Гераська — исправный плательщик!

В веках по Присухонью обзаводились замками разве что для хлебных амбаров. Избе хватало «пристава» — батога, сунутого в дверную скобу. Нет хозяев дома, кто войдет из посторонних?

Зато воровство — «татьба», по-старинному, — каралось сурово. Волостные суды руководствовались грамотой царя Федора Ивановича, распространенной в «противнях» — копиях слово в слово.

«...Доведут одну татьбу, и того татя бити кнутъем, а бив кнутъем, дати его на поруку, а не будет поруки, ино кинут в тюрьму до тех мест, как по нем порука будет, — наставлял государь. — А приведут татя, а доведут до него татьбы, и того татя бити кнутом, да отсеци рука, да покинути. А приведут татя, да доведут на него татьбы три или четыре, или свыше, и того татя казнити смертною казнью».

Не верится, что по деревням тут и там взор горюнили виселицы и на каждом шагу попадались безносые, однорукие калеки. Суды были, суды зем-

ские волостные действовали, одним своим существованием, опорой на народное мнение предупреждая злостные нарушения общественной безопасности.

Процессы часто шли гласные, открытые. Срам, позор — провинившемуся головы не поднять. На чем оступился? Сети соседа вытряс? На путике позарился на куницу в чужой снасти? Горше тяжкого наказания дурная слава: не сносить ее — оставишь и потомкам...

Проступок проступку рознь. Верится, не вызвал сочувствия к потерпевшим грабеж в деревне Остров под Устюгом. Ни боя, ни кровопролития — и шуму на весь уезд.

Обчистили вчистую Момотовых, богатеев громкой фамилии. Умельцы ловко провернули дельце и покорыстовались: деньгами на 412 рублей, вещами на 585 рублей 20 алтын. Соболи и бобровые шапки, меховые шубы, рубахи, шитые золотом, шелками, зипуны, однорядки...

Позвольте, позвольте, это ведь на Дмитрия Момотова только что в архивах попадался извет: отдал ему, как служащему таможи, один мужик шкатулку с деньгами, с документами на сохранение, и таможенник не только присвоил чужое, еще и пригрозил расправой. На него, точно — на родного батюшку братьев по судам гуляла жалоба!

Что ж, получилось почти по святому писанию: «Горе тебе, опустошитель, который не был опустошаем, и грабитель, которого не грабили! Когда кончишь опустошения, будешь опустошен и ты; когда кончишь грабительства, разграбят и тебя».

Были вооружены Момотовы: 5 самопалов, 8 луков, 4 сабли, а поди ж ты, оплошали. Жить бы им с их добром в городе — покой дорогой. Странно, чего это братьев закинуло в сторону деревенскую?

Торговый человек, грубо обобщая, нес повинности с имущества и с оборота, земледелец с земли. Но числиться крестьянином, выбирая отпущенные пахарю льготы, и промышлять куплей-продажей в городах, — как тут требовать подати? С безземельного в деревне что возьмешь? Прижми его к стенке — отмажется. Вестимо, кабы закон был без прорех, откуда б брались богачи-выжиги!

Тотемский посад челобитничал на Демку Плюгина: скупив зерно у сельчан, хлеб затаивал, пока цены поднимутся. На барыши в Тотьме двор поставил «со всякими хоромами» и лишней копейкой в налоги не поступится: в городе — сошедший с земли крестьянин, в деревне — горожанин.

Разного веса документы старины. Мелкие и значительные, имеют они общее достоинство: вчитаешься и напахнет воздухом времен, давно канувших в небытие, и сегодня наводящих на размышления.

...Тришка Корелин из воровской братии, изводившей волости страхом, не вынес мучений пыток. Устюжский воевода Иван Кикин обратился в Москву, не смея самовольничать: как быть с телом? «Погрести по правилам святых отец... с пением у церкви»,— дал ответ Петр I.

...Монахиня Ираида тягалась с игуменьей Марфой, выжила-де та из обители, разрушив келию — себе поставить палаты. Ослушница, кров монастырский покинула самочинно? «Старицу Ираиду отвести к игуменье,— состоялся приговор скор и справедлив,— и велеть ей учинить, за ее бесчиние, наказание: смирать шлепами и держать ее под началом до целомудрия».

«...Без дарственного воздаяния не может Москва делать никаких дел»,— строка из письма, уцелевшего в епархиальном архиве. Строка с намском, что «вспоможение являет в делах многим людям» Александр Меншиков.

Последняя строка насквозь прозрачна, будто писалась вчера, но как истолковать другие? Царь был не вправе отказать даже закоренелому злодею в панихиде? «Шелепы» — кнут, плеть, нагайка. Значит, правомочно сечь плетью женщину, по-видимому пожилую, сечь и держать под замком бессрочно — «до целомудрия» — за то лишь, что, очутившись без крыши над головой, в обиде посмела жаловаться без благословения у обидчицы?

Строки, архивные строки — голоса истории, внятные и едва различимые за давностью лет! Не прислушаться к ним, потеряется нечто важное из жизни ушедших поколений, из того, что готовило почву посевам и всходам последующих столетий.

Границы волостей и церковных приходов как правило совпадали. Правильно не без исключений для древнего Присухонья, составляющего современный Нюксенский район. Судя по публикациям архивов Устюжской епархии, таков примерный перечень действовавших там храмов:

- 1) Богоявления Господня — волость Городишная;
- 2) Богоявления Господня — село Устье-Городишенское;
- 3) Воскресения Христова и Николая Чудотворца — Брусенская волость;
- 4) Всех Святых — Городишный Городок;
- 5) Дмитриевский — Дмитриев Наволок;
- 6) Знамения Пресвятой Богородицы — Березовая Слободка;
- 7) Зосимы и Савватия Соловецких — пустынь Брусенского Городка;
- 8) Ильи Пророка — Сученьгская волость;
- 9) Михаила Архангела — Сученьгская волость;
- 10) Николая Чудотворца и Святого Георгия — Бобровский ям;
- 11) Николая Чудотворца — волость Городишная;
- 12) Рождества Христова и Николая Чудотворца — Брусенский Городок;

13) Успения Пречистой Богородицы и праведного Прокопия Устюжского — Негренская пустынь Сученьги;

14) Царевоконстантиновский — Нокшемское сельцо Бобровской волости.

Русь Великую величали Святой Русью, и наши предки потрудились, чтобы святой пребывала их малая родина.

Два-три храма на волость, не густо населенную, — явление, конечно, обусловленное также тем, что большинство церквей стояло на берегах Сухоны, вдоль и вблизи санных, тележных волоков. Большая дорога пропускала тысячи подвод, река в навигацию — сотни судов. К ночи причалить у селения, распрячь возы на постоялом дворе и, посетив храм, отслужить молебен, свечку поставить под образами — душе покойней, спроси кого хошь.

Перечень храмов хронологически относится к 80-м годам XVII века. Нужны дальнейшие изыскания в надежде уточнить время постройки, местоположение, судьбу церквей и монастырей-пустыней. Кое-что сейчас скажем о Всесвятской церкви Городишной. В книге сбора церковной дани, десятины и пошлин с монастырей и церковей на Устюге и в Устюжском уезде от 1625 года сказано: «Из Городищенского городка всесвяцкой поп... платит... 14 алтын. Ново положено». Словом, в церкви на Мыгре и до 1625 года шли службы, но считалась она новой.

С добровольных лепт прихожан содержались клир и храм — лучшее здание на лучшем месте. Будто от таежной ели с вершинной мутовкой-крестом заимствовал храм стройность, от шишек сосновых — облик глав, крытых, как чешуей, узорным лемехом. Высясь на берегу, холме или угоре, отовсюду обозреваемый, храм и украшал округу, и одухотворял ее. Как крестным знамением, осенялись им полосы-кулиги в золоте суслонов, зелень отавы сенокосных лугов и речная излучка, сверкающая, точно подкова на счастье.

Ничему другому, единственно храмовому строению доверяли его заказчики-пахари, его зодчие-древodelы выразить свои идеалы мужества, стойкости перед невзгодами, превратностями скоротечного земного бытия, широту своей души, тягу к высям горним, простому смертному недостижимым. Строга, выверена гармония пропорций, никаких нарочитых затей, разве что мастера-плотники дадут зданию «кубоватый», изысканной декоративности верх, «бочатое» основание куполам на тонких шеях.

Ставили храмы «клетчки» — о четырех углах, рубили круглые — в подражание башням крепостей, — насчитывавшие и шесть, и десять, и двенадцать углов.

Труда не жалели древodelы придать праздничность входу во храм — крыльцу, уютность строению — «гульбищем», то есть крытой галереей, обрамлявшей его справа и слева.

Могуча кладка бревен, высота иного сооружения от земли до креста метров двадцать и тридцать, но не подавляет оно,— напротив, возвышает, зовя отряхнуть суетность буден, склониться перед чистой, ничем не омраченной красотой, воплотившей силу духа твоих предков.

Прелесть и прелесть вековые деревянные дива! Простенькие шатровые, под общей крышей храм заодно со звонницей, и многокупольные, внушительных размеров, встречались мне часовни, церкви у Белого моря, близ Карелии, в селениях, на погостах Пинеги, Северной Двины. Легка власть их очарования, покоряешься ей сразу и навсегда. Сразу, навсегда и вместе с серыми избами, издали похожими на валуны, обнаженные хвойным отливом окрестных лесов; со стадом за косой изгородью; порханьем бабочек над розовыми бутонами придорожного просвирника и проголосной песней, звучащей невесту откуда,— со всем тем, что составляет им, как самоцветам, бесценную оправу...

Лучше помолчать о деревянных церквях нюксенского Присухонья, если и каменные к нашим дням не уцелели.

Чего там, что имеем не храним, потерявши плачем!

Бывало, около церкви стояли «келии» — приют нищих, немощных. Расшищалась встарь перед храмом площадь — для народных сходов, торжеств престольного и двунадесятых праздников общим застольем.

Самые длинные — «прогонистые» бревна строителями употреблялись на возведение трапезной. Строилась трапезная обширной, снабжалась столами, скамьями и отапливалась, в отличие от холодной церкви. В ней отправлялось правосудие, заключались торговые сделки. А где сделки, там «литки»! Потреблялось-таки горячительное, гомон трапезной, случалось, заглушал заутрени и обедни.

Перехлесты, излишества — без них разве обходилось у мужиков, коль хмель кружил головушку и не терпелось выказать зависимость сельского клира от сельского мира.

Все в том, что священники, да и весь клир, были выборные: волесть приглашала их со стороны или предлагала епархиальному владыке кандидатуры из своих грамотеев на рукоположение. Избирательный договор четко излагал взаимные обязательства сторон, волости и священника, условия действия и порядок расторжения соглашения. Приходским хозяйством — «по мирскому совету» — ведал выборный староста, с полномочиями весьма обширными, почитаемый не меньше старосты волостного. В штате храма были сторож, просвирня, дьячок-грамотей, который заодно вел волостную документацию.

Деревенские миры заботились о житейском достатке клира. Договор закреплял: нарезаемые священнику угодья считать потомственным владением его и его семьи. В богатых людных приходах эти земли могли быть обширными,

охватывая деревни, доход с которых шел на содержание церкви и клиру, а налоги разверстывались между остальными поселениями. Возможно, поэтому Нюксеница слыла деревней Попадаыной, что некогда ею владела вдова по смерти мужа, священника, скажем, из Березовой слободки? Округа была заинтересована в семейной преемственности, чтобы храм переходил от отца к сыну, по ближайшему родству, сана досягали люди, сызмала сведущие в церковных службах. Таким образом, сельское священство становилось особым и замкнутым в себе сословием.

«Стоглав» 1551 года, свод решений высших духовных и светских властей, с голоса Ивана Грозного поучал, кого надлежит избрать священнослужителем. Сана достойны те, кто «беспорочны, не напрасны, не гневливы, не пьяницы и не убийцы, страннолюбцы, воздержательны от всякого зла и от упивания, добре сведущи истинный закон... возрастом совершенны... сами бы детей учили на истинный путь»...

«Глаз хозяина зорок, не надо и сорок!» Оказалось не обделено двадцатилетним царем-батюшкой церковное бракосочетание (иного просто не было). На века вперед назначены были размеры пошрины, поступавшей, кстати сказать, в доход епископа: с первого брака венечных денег алтын, со второго два, троюженцам платить четыре алтына.

Молод-зелен судил-рядил великий государь Иван Васильевич, не проиная, что судьба отмерит ему семь жен. Не будь он самодержцем, разорили б свадьбы! Известна архивам челобитная Бориски Курицына из Опок. Собрался жениться, разладилась свадьба по болезни невесты Дарьи с Сученьги. «Пожалуй меня, сироту своего,— кланялся парень Великоустюжскому и Тотемскому архиерею,— вели, государь, жениться мне сироте за теми же пошлинными деньгами. Государь великий святитель, смилуйся!»

Ребята в Опоках были скуповаты? Им жениться, а они хватя за карман, не убыло б чего?

Да нет, скорее в карманах-то обмелело.

Может, с попом договориться, окрутит подешевле?

Боже избавь! Вондокурский священник Стефан, совершив обряд бракосочетания «утайкой», и пени внес — «два рубли», и был заточен за решетку. «Сежу скован у колодки, в хлебе муку сию»,— плакался оплошавший батюшка.

Материальное состояние приходов раскрывает «Епархиальная перепись денежной и хлебной казны на 1686 год». Она делалась в связи с выделением из Ростовской митрополии новой епархии, охватывавшей Тотемский и Устюжский уезды, с центром в Великом Устюге.

Дары, оплата треб, земельные и денежные вклады исподволь накапливали в храмах средства, позволявшие влиять на экономику волостей. Займы, ссуды

отпускались церковным старостой под залог ценностей, под долговые расписки-«кабалы».

Для начала заглянем в отчет старосты Всесвятского храма Городишной Ивашка Кириллова Полуяновых: «денег наличных 5 рубл. 10 алт., да по двум кабалам... 3 руб. 2 алт. 2 деньги, а больше того кабал и книг нет, потому что место скудное. А живет он у тое церкви в старостах три года».

Киселево и Быково, Макарино и Лопатино — приход не ахти велик, не ахти богат, как велики и обременительны подати, платить кои нужно в срок!

Об обеднении крестьянском гласят показания старост: Городищенский Никольской церкви Ивашки Шукина — в наличии 5 рублей, долговые записи на 23 рубля; Богоявленной церкви села Устья — там за отца, старосту Тимошку Тимофеева, отчитался его сын, — в кассе 26 рублей 22 алтына; старосты храма Рождества Христова и Николая Чудотворца Брусенского Городка Емельки Собанина — налицо 10 рублей с полтиной, роздано 22 рубля 26 алтын. Критическая ситуация выявилась у Никольского прихода Бобровской волости: нашли в казне лишь 30 алтын. Разживись-ка с такого капитала!

Громадными долгами отметились прихожане Благовещенской и Петропавловской церквей Ляменских починков: в недонимках 115 рублей 7 алтын 4 деньги, в остатке 4 рубля...

Нужно еще продолжать?

Брали суды деньгами, брали зерном. Много-много зерном. Куда денешься: «только ангелы с неба не просят хлеба!»! Голод стучится в избу с малыми детьми, поджигают сроки сева озимых, взноса податей, и в залог шли с отца нательный крест, с матери сережки из ушей. Есть об этом пометки, есть не раз и не два. Предвижу: кое-кто пожмет плечами, что это мелочи, преходящее. Так, пусть так, но на весах судебных нательный крест, снятый в церковную казну, тянул ой как тяжело.

Небезынтересна деталь: сравнительно мало помет о хлебной казне церквей нюксенского Присухонья, в то время как в тех же Ляменских починках населению в помощь было роздано из амбаров, принадлежащих храмам, 66 четвертей ржи (примерно 1584 нуда). Возможно потому, что у нас церкви не владели землей? С урожайностью обстояло благополучнее, чем у дальних и ближних соседей?

Среди должников церквям рядовые миряне и должностные лица — соцкие, старосты и с ними иерей Максим с Устья-Городищенского.

Мелькают фамилии: ряд их исчез, другие поныне бытуют в Нюксенском Присухонье, свидетельствуя о многовековых корнях своих носителей. Плюснины и Филинские, Сумароковы и Белозеровы, Седякины и Мозжелины, Короткие и... Разве всех поименуешь? Вместе с тем документы дают какое-то

представление о движении населения. Например, сегодня широко распространенная фамилия Рожиных, видимо, пришла с Опок, из Стрельненской волости, Чебыкиными, Шушковыми поделились Ляменские починки. Однако для ответственных выводов по этому вопросу явно мало материалов.

Производимая спешным порядком перепись должна была предшествовать незамедлительным и повсеместным переизборам церковных старост.

Событие из ряда вон: волостное самоуправление переизбиралось ежегодно — церковные же старосты состояли в своей должности по существу бессрочно. Сами прихожане определяли высоту требований, кого ставить над собою: «крестьян добрых и животом прожиточных... И будучи им церковными старостами, казну денежную ведать и в церквях Божиих надсматривать и радеть со всяким раденьем добре, и что будет в приходе и расходе, писать в книга имянно, статьями, памятуя евангельскую заповедь, вправду».

Отчеты церковных старост сомкнулись с отчетами приходских священников. Любопытная подробность: устье-городищенский Максим доложил, в его-де приходе раскольников нет, «только Тотемского уезду деревни Нюксеницыно крестьянин Ивашка Яковлев... к церкви Божией не приходит и на исповеди не был».

В Нюксенице вольнодумец? Сомнительно. Зато Иван Кузьмин из Устюга поплатился заключением в монастырь за проступок непростительно дерзкий: «мерзость учинил... еретическим образом... выбрил у себя браду». И чин важный у Кузьмина — стрелецкий сотник, и по должности был он городничим Устюга, а поди ж ты: не приспело время бриться, по указу архиерея сиди под замком!

Перепись 1686 года подытожила долги прихожан: деньгами — 7360 рублей 25 алтын, хлебом — 1121 четверть ржи, 646 четвертей ячменя, 439 четвертей овса, десятки пудов пшеницы, гороха. Пропуская заклады имуществом, ценностями, в наличии имелось 2097 рублей 9 алтын 2 деньги. Епархиальные верхи сочли: средства церковные, посему нам ими распоряжаться. Понятно, волостное и уездное земство запротестовало. Москва подключилась, приняв сторону епархии. Дьяки царевны-правительницы Софьи обвинили церковных старост, расточают, мол, казну «своекорыстникам», «хлебоядцам», денег же у них столько — хватит деревянные строения монастырей и церковей уезда замечать на каменные.

Тот прав, у кого больше прав. По копейке собираемое достояние перешло в собственность епархии. Не надолго: точку в затянувшейся тяжбе поставил Петр I, повелев доправить недоимки с запретом наращивать новые и церковную денежную казну на монастырское и церковное строительство впредь не тратить без его указа. Яснее выразиться, денежные средства, какими владели приходы, затем епархия, стали государственной собственностью.

Тут уж и речи быть не могло, чтобы мужики себе в церкви выбирали священников: кого назначат, тот вам и батюшка.

Выше были названы монастыри-пустыни нюксенского Присухонья.

Пустынь! Одно слово, за ним — необитаемая глушь, звериные трущобы. На мшистом берегу чаща чуть подрастступилась поместить утлую церквушку, с крестом ниже дремучих елок, и убогие, крытые еловой корой лачуги-кельи. Утро, вода отслаивает прозрачный туман. Ударил дребезжаще колокол, отшельник в холщовой рясе, истово помолившись, двинул осиновою лодку-долбленку выбирать сети, и тихому звону колокола мощно, звонкими кличами заворили лебеди с залива:

— Ко-гонг... клип-понг...

Простите, досужая фантазия! Пустыни закладывались или в селениях, или ближе к ним, в пределах пешеходной досягаемости.

Без дозволения лично государя даже монастырь не мог занять общинные крестьянские наделы. Был обязателен отказ от них, дарственная грамота. Так, крестьянская вдова Марья Истоминская дала преподобному Феодосию Суморину дарственную на пустошь Симакинскую на реках Песьей Деньге и Ковде, и там, в версте от уездного центра, была основана впоследствии знаменитая Спасо-Суморinna обитель.

Но прежде тотьмичи в 1554 году били челом в Москве Ивану Грозному: «На Тотье и во всем Тотемском уезде монастыря нет и кто... при старости и при смерти захочет постричься, ему постричься негде»... Испросили они, что-бы в намечаемой обители начальствовал старец Феодосий.

Рядом письменных источников Негренская пустынь Сученьги именуется Феодосиевой. Определенно построена она была позднее 1554 года, однако неясно, кто принимал в ней участие. Сам святой подвижник? Его ученики-последователи?

Заложить обитель, естественно, необходимы монахи: они собирают иноческую братию. Вместе с тем «Стоглав» 1551 года строго указывал: монахам «не попускати без чина скитатися, ниже пустыни по селам поставляти». Не означает ли это, что пустынь во имя Зосимы и Савватия Соловецких в Брусенце действовала еще до решений «Стоглава»?

Не убоги и позаброшены предстают пустыни Присухонья. Храмы, «иконы на красках и золоте», колокола, священные сосуды, облачения, рукописные и печатные книги. Жилые и животноводческие постройки, мельницы. Изрядно пашен, покосов, пастбищ. Огороды и хмельники... Все-все отражено дошедшими до нас документами!

Земельные владения закреплялись за обителями по прошениям государю.

Об этом говорит дарственная от 1 сентября 1620 года. Ею Дмитрий Соломенников подтвердил вклад своего дела Данилы — на «черные леса пашенные и непашенные, что на Прудовых и по Китильмине реке, по Шохте речке и вверх Лизицы речки», — заявив, что поступок одобрен Иваном Грозным.

И «Сученгской волости пустыня Негринская, Феодосьева тож», не обделялась сухонцами. Принадлежали ей угодья: «пашни паханой худой 13, лесом поросло 8 четей». В монастырских деревнях «пашни паханой 22, в пусте перелогом поросло 10, лесом поросло 9 с половиной четей. Сена монастырского 32, оброчного 5 копен». Числилось за пустынью 2 крестьянских двора, 2 — половников (арендаторов), «1 двор коровий, в нем живут детеныши».

Детеныши — телята, что ли?

Да нет, что вы, если у иного седая борода!

Призывали обители тех, кому по ряду причин не нашлось нигде места, воспитывались в них ребятишки-подкидыши, — вот кого встарь называли «монастырскими детенышами». Конюхи, скотники, обретались они по месту работы, как тогда было в обычае.

Расположенные в волостях монастыри-пустыни население мыслило за свои, деревенские. Сход избирал для пустыни старосту-управителя, причем подконтрольного «миру», на чьи пожертвования да и чьими трудами крепилось ее благосостояние. Тем естественнее было признать такой монастырь своим, что, наравне с деревнями округи числясь чернососным, он тянул в повинностях свою долю.

Не предосудительным считалось постричься иод монашеский клобук мужу с женой, «ветхим летами», в одной обители. Давний обычай сурово осудил «Стоглав». Его решения потребовали также «мелкие пустыни сносить в одну пустынь... церкви пустынные переносити в монастыри же или на погосты».

Очевидно, эти строгости миновали Брусенскую пустынь во имя Зосимы и Савватия Соловецких. Как раз в 1554 году Иван Грозный указал к ней отнести вклад землями Данилы Соломенникова.

Радея местным святыням, жители Ньюсенского Присухонья одновременно жертвовали обителям Великого Устюга, наипаче Михаило-Архангельской. Запись вкладных книг этого монастыря от 16 июня 1585 года гласит: «Дал старец Тихон из Сученьги за старца Ону (Иону?) 4 рубля денег». Видимо, на помин души скончавшегося келейника Негренской пустыни.

1588 год — взнос 4 рублей Саввой Коробицыным из села Устья-Городищенского. Свидетельство примечательно еще тем, насколько древни родовые фамилии нюксян.

Показания вкладных книг дают письменно закрепленную возможность иметь представление о хозяйственном развитии, былом материальном достат-

ке деревень. В 1593 году городищане Иван Мамин и Иван Петров привезли вкладом две кипы хмеля, общей стоимостью 6 рублей. Афанасий, прозванный Вятка, капитан-носник Бобровского яма, пополнил казну монастыря на 5 рублей.

Суммы здесь перечислены серьезные, если сказать, что Борис Годунов на вечный помин покойного царя Федора Ивановича отправил Михаило-Архангельскому монастырю всего 60 рублей.

С Городишны, с Брусной навещалась пустынь во имя Николая Чудотворца и Параскевы Пятницы, «что у Бабя озера, у Галицкого рубежа». Основанная примерно в 1605 году, обитель лет через пятнадцать собрала 21 инок. Полуднели деревни окрест за счет крестьян, привлеченных в глушь суземов, болот из Вологодского, Тотемского, Устюжского, Галицкого уездов. Видимо, переселенцы наделялись какими-то послаблениями по налогам и платежам. Самому монастырю принадлежала деревня Бабя на реке Озерихе: 5 дворов, 4 десятины пашни, луга, дававшие 60 копен сена, 32 десятины лесов.

В поездках к озеру Бабью не забывался мужиками материальный интерес — близость источников, где проще раздобыться дешевой солью. Она выпаривалась на месте, доставлялась и густым рассолом.

Побывать в пустыне замужним женщинам ко славе, девицам — честь. Слыла Параскева Пятница «бабьей заступницей», покровительницей о льну рукодельниц. Несли бабы дары ей — «на чулочки», «на передничек». У девок-наломниц, бывало, свое на уме: «Матушка, святая мученица Прасковья, пошли мне женишка поскорее!».

Говоря о духовных запросах деревень давнего прошлого, помянем, что крестьянин, по крайней мере на старости лет, был вправе уединиться в скиту — самым обустроенной хижине среди таежных дебрей и кончить земное поприще в постах, в молитвенном бдении.

Хлебная неурожайная скудость, на людей моровая язва, скотский падеж — во избавление бедствий сооружались обетные часовни. Рубили их умельцы-древodelы «о четырех углах с папертью»; «о шести углах, а кровля клинчатая», иногда в два этажа, чтобы низ — хлебный амбар, верх — собственно дом молитв.

Каждому времени свои приметы и перемены.

Склонялся к исходу век XVII. С ним к закату повлекло деревенские монастырьки, обезлюдевшие иноками и нищающие, как и деревни округи.

В 1683 году владыка Устюжский и Тотемский распорядился сдать Зосимо-Савватиевскую пустынь под управление келаря Спасо-Суморина монастыря. Брусенец пытался ее сохранить: в 1690 году состоялась помощь по вывозке навоза на поля, собравшая 70 человек на 30 лошадях. Был срублен новый скотник, к зиме заготовлены дрова. Труды втуне: пустынь, в течение полутора

веков духовно окормлявшая своих устроителей и радетелей, обрывала деятельность, ее достояние расхищалось. В октябре-ноябре 1690 года была произведена опись уцелевшего имущества, книги, как «Триодь цветная», «Минея», преданы в Негренскую пустынь Сученьги. Долго ли и та продержалась?

Великоустюжский всеуездный совет 1696 года обращался к Петру I: «...запустели от многих салдацких поборов и служб, и от хлебного частого недорода и от скоцкого падежу, и от немерных правезев и от многой ямской гоньбы». В числе представителей волостей челобитную скрепили Никифор Паточкин из Бобровского, Терентий Иванов из Брусенца.

Скакали гонцы в Москву с донесениями воевод. На разные голоса тревогой звучало: «В волостях... ржи не сеют, а дожидаются санного пути и хотят бежать». «От двойных кабал и от ростов многие крестьяне... пометав свои деревни, разбредаются врозь».

Строки подлинных документов. Бежали из центра страны. С Двины и с Пинеги, с Сухоны и Онеги разбредались врозь: на Дон, в казачьи станицы, на Каму и Вятку, где сулят льготы, но больше в Сибирь — на вольные земли.

К концу XVII века вокруг Тобольска насчитывалось уже 10000 крестьянских дворов, на Енисее у Красного яра — полторы тысячи, под Томском и Кузнецком — 1750...

Между тем первая борозда, скажем, на виду Томского острога была положена русским поселенцем не раньше 1605 года. В дальнейшем Томск завел торговлю хлебом собственного производства с менее разворотливыми городами.

Кем был первый оратай? Чьи лапти топтали ту первую борозду? По сошнику нет-нет и чиркал камушек, в поднебесье трелил жаворонок, и пряный дух земли кружил голову. Соху вел не утеклый ли из-под Тулы иль Рязани крепостной? Не с пинежской ли Верколы беглец? Мужик нашенский, позабросивший отошальные «льнища» и «ржища» Пошкала, кустарниковую луговину перед Кузеевским мысом Городишны?

Десятки городов и крепостей-острогов, тысячи деревень, — разумеется, малость, для исполинских пространств Сибири. Да и сделанное граничило с чудом, к которому причастны безвестные труженики, кто нес двойные подати, поднимая страну из разрухи Великой Смуты, кто с жен снимал серьги, а с себя нательный крест в залог — погасить бы недоимку по «сибирскому запасу».

Где-то прибывало, где-то убывало. Карамии грозила Москва волостям Поморья, откуда отток рабочей силы принял нарастающий размах:

«Тех крестьян сыскать и бити батоги»...

«Посадить в тюрьму, чтобы смотря на то впредь было неповадно государева указа послушаться»...

Словно преступников, беглецов перенимали по дорогам, на специально выставляемых заставах. Сибирь продолжала докладывать: «Мимо Верхотурского и Тобольского уездов через слободы из русских и поморских городов крестьян с женами и детьми прошло многое число».

Типичная картина северной деревни тех времен — безлюдье, за околицей поля, забывшие пахаря, дичающие в мелколесье покосы. Одни дома от ветхости разваливаются, другие заколочены, перед крыльцом крапива. Но вместе с тем в жилых избах скученность: молодым семьям не на что обзаводиться самостоятельным хозяйством, все поглощают налоги.

Элементы упадка зримо представила перепись податного сословия Устюжского уезда 1676 года. Для правобережного Присухонья в этом смысле показательна Городишная. Потеряв за полвека 10 крестьянских дворохозяйств, волость тем не менее уплотнила слой налогоплательщиков почти на 90 человек. Таковы данные и по Брусенцу: при сокращении жилья, хозяйственного строительства число тягловцов достигло 123 человек. В Бобровской волости, где единственно появилось 20 новых дворохозяйств, податное сословие возросло с 43 до 192 человек по сравнению с 1619—1923 годами.

Однако деревни, села правобережья Сухоны сочтешь благополучными, если сопоставишь их с положением крестьянства на левом берегу, подчинявшегося Тотемскому уезду. В Сученьге, например, из 60 дворов крестьян и арендаторов-половников к 1646 году в забросе оказалось 19 хозяйств. Волость Уфтыга понесла гораздо большие потери, так как из 120 дворохозяйств осталось 58.

Заметим, что кое-кто на путях странствий к Сибири оседал значительно ближе. В 1647 году Москве было доложено: в волостях Дмитриев Наволок и Уфтыга много крестьян разбежалось, причем 11 — выехали на Вагу, 3 — в Бобровское и Городишную...

Право, любят у нас приbedнаться! Прорва грузов двигалась через Брусенский Городок, Околоток, Погост, Осиново, Большую Сельменьгу. Ехали посылы в Кремль, торговцы Англии, Дании, Италии заключать сделки. Неужто ничего не перепало обслуге судов и большой дороги? В отчетах воеводы, пожалуй, сгущали краски, себе набивая цену.

«Двойные кабалы и росты» все-таки не с пуста вставлены в бумаги. Расставались пахари с пашнями — примкнуть к сибирским переселенцам, к «ярыжным» Сухоны, податься на лесные, соляные промыслы — для волостей одинаковы последствия. По закону, за сошедших с земли повинности перекладывались на оставшихся. Возрастающие таким образом налоги расшатывали хозяйство, падала его доходность. Местное самоуправление, состоявшее тоже из налогоплательщиков, и недоимки копило, и волей-неволей превращалось в

придасток уездных властей — выбивать подати. Там и тут поступления в казну сокращались и прерывались.

Родов именитых князя — Долгорукие, Ростовские, Хованские, знать придворная — Вельяминовы, Лопухины, Шереметевы сменяли службу в Москве на окраинные воеводства. С предписанием: «промышлять, как бы государевой казне и государевым делам было прибыльнее».

В Устюг сел править и владеть свояк царя Алексея Михайловича князь Милославский. Допек горожан — взбунтовались посады, нахлебался воевода водицы, кинут в реку с крутого бережка!

Уходили из деревень, из городов. В Сибирь... в Сибирь!

Сейчас необходимо уточнение: сливаясь в один, за Урал вели два потока — стихийный и организованный. О первом вкратце сказано, отметим второй, вероятно, наиболее людной. Страна изживала последствия Великой Смуты, когда возобновились своеобразные мобилизации на переселение, первоочередные, естественно, для Севера. Ремесленные посады, в том числе Сольвычегодска, Тотмы, выделили 350 семейств, а также 150 девиц в жены казакам гарнизонов Зауралья. Росло денежное снабжение переселенцев: к примеру, богатый Сольвычегодск давал до 150 рублей на семью. В 1631 году, словно в пополнение предыдущим партиям, с Сухоны, с Вычегды ушло 187 человек на Обь, 308 — на Енисей.

Приглядимся, чем переселенцев-землеробов привечала чужая сторона.

По мнению историков, продвижение русских по Сибири наталкивалось на встречное движение татаро-монгольских феодалов. Бесповоротное решение, кому владеть громадным краем, столь щедро одаренным от природы, сколь безлюдным, растянулось на XVII век в целом. Противодействие «непослушным ордам» держало гарнизоны крепостей в постоянном напряжении. Пахотные, сенокосные угодья жались к городам. Плодородные, по 5—6 лет отвечающие высокими урожаями без применения удобрений, дальние заимки было рискованно обрабатывать. Сеешь — и озирайся, не взметнулся ли волосяной аркан; жнешь — и слушай, не поют ли стрелы кочевников.

Поджоги гумен, стогов сена, угон скота — обыденность; вторгнутся родичи хана Кучума из зарубежья, налетят набегом калмыки, киргизы — вот где беда. Тобольский, Тюменский, Верхотурский уезды переживали опустошения в 1667, в 1668, в 1670 годах. Ни раньше, ни после не было покоя...

Головни едва остынут — руби новую избу, ставь на холме храм. Оплавился колокол в огне, сойдет на первых порах «било» — подвешенное на высоту бревно. Удары в него созовут крещеных на обедни и заутрени.

Итак, за легкой жизнью наши земляки пускались по путям «встречь солнцу»? Позвольте усомниться, что не знали, что их может ожидать!

Уходили за Урал — каменный пояс Руси, — унося с опытом ремесел, земледелия, скотоводства идеалы мирской заединщины, земского общинного устройства, умение ладить с людьми иных языков, нравов, обычаев. Местные жители, похуже, не тяготились пришельцами: обменивались опытом, кто в чем горазд, крестились в православие и кровно рождались.

Жизнь... Божий дар — жизнь, благо бесценное, что в мире сем нам есть место! Унывать — лукавого радовать!

На Мыгре и в Красном Яру, в Братске и Брусенском Городке одинаково справляли престольные праздники, на Троицу украшали храмы зеленью, на Пасху — огнями фонариков, плошек. Подоспеет песенная Купальница, венков, венков-то девки пускали по воде! В Кузьминки каша-ссыпчина, снова песни. Святки — и ряженных, славильщиков-то на улицах, удаль и озорство, веселье через край! На масленице гонки троек, катанья с гор...

На весах судеб девичий венок Купальницы оказался весомей татарского копыя, и шорох колосьев спеющей под Тюменью на енисейской заимке крестьянской нивы заглушил, в прах рассеял топот конных кочевых орд...

Распахнулась Сибирь вплоть до Великого океана. Из «многих», из «большого числа» поморов, двинян, сухонцев, принятых Сибирью, история не поскупилась на внимание для одного.

Кто он, откуда родом, спорили города Севера. Сольвычегодск утверждал: наш земляк. Его имя высекал на граните памятников Устюг. Москва печатала в книгах: «Сын боярский — основатель Хабаровска».

Если до сих пор держались письменных источников, опоры на документы, то нет смысла изменять правилу, коснувшись такой легендарной личности, как Ерофей Павлович Хабаров. Последуем версии, предлагаемой профессором М. И. Беловым.

По архивам, обнаруженным историком, Хабаров — крестьянин деревни Дмитриев Наволок. Будущий землепроходец, великий «прибыльщик» российского государства попал в недоимщики и ушел на Обь в Мангазею подзаработать на пушных ярмарках. В 1628—30-х годах Ерофей заносился в городские списки под именем Святитского.

«Святитский» — это не от Святицы, притока Городишны, речки с устьем близ Мыгры, по берегам которой деревеньки Быково, Левково, Космаревская Кулига? Женился и переехал на Сухону, в дом жены — дело житейское. Имел Ерофей двух детей.

«Хабара» — слово древнее, метили им того, кому сопутствует удача, успех.

Владел сухонец грамотой: в Мангазее он, бойкий и предприимчивый, выбился в приказчики. Для молодца 18—20 лет вроде и немало!

Кому-то хватило бы: скупка дорогих мехов приносила прибыль, а 1632 год застал Ерофея аж в верховьях Лены, чтобы тут, в глубине Сибири стал он Хабаровым.

Первым из русских Ерофей Павлович занялся распахкой целины — сеять хлеб. В 1637 году открыл соляной источник и построил варницы, в 1641 году — мельницу при устье речки Киренги. Может, копию Быковской, шумевшей в устье Святицы?

Это не догадка, это быль: не ладилось у него с властями. Прижал Хабарова якутский воевода П. П. Головин, отказав в положенной переселенцу награде в 500 рублей и изъяв в казну лучшие из полей.

Не заладилось и с доброй памятью потомков. Академическое издание, журнал «Исторические записки» по его адресу в 1941 году отзывался: «...В лице Ерофея Хабарова мы видим яркого представителя торговой буржуазии, направлявшей свои усилия на эксплуатацию колоний, неразборчивой в средствах, хищной и упорной».

Подобные голоса звучали намного раньше, еще в XIX веке. За какие провинности? В 1649—1653 годах Хабаров возглавил походы по Амуру, в результате коренное население приняло российское подданство, присоединился к стране Дальний Восток.

Хабарову принадлежит описание открытых земель и карта — «Чертеж реке Амуру». Его люди срубили крепостцу, положившую начало городу Хабаровску.

Отряд Ерофея Павловича объединял 900 человек: снаряжая экспедиции, вожак обременительно задолжал и познал прелести тюремного острога.

Арестантом был он вывезен в Москву, по его словам, «меж двор скитался и с голоду помирал». На его счастье, государев суд выказал милость. Удостоился крестьянин пожалованья в низший дворянский чин — сына боярского, поставлен в приказчики Киренгских волостей.

Хлопотал Хабаров, чтобы отрешить его от службы, чтобы крестьянство-вать, челобитничал в 1667 году Тобольскому воеводе П. П. Годунову снова, на собственные средства послать его походом на Амур — «ставить города и завести хлебные пахоты». Чем завершились хлопоты, когда скончал старатель-прибыльщик земное поприще, — молчат архивы.

Одна судьба, свидетельствует она о не востребуемых возможностях северных окраин, сколько талантов прозябало, не находя применения возросшим силам, духовному потенциалу, кроме как обиходить пашню, торить охотничьи тропы, гонять обозы звонким санным путем и, впрягшись в потные бурлацкие лямки, проводить по Сухоне, по Двине суда. Подвиг, тоже подвиг — стойко держаться родного угла! Да кому-то этого мало, душа просит небывалого, чему тесны пределы обыденности...

Зеленая хвоей, заслонял горизонт отвесный правый берег. Порой кручу рассекали овраги, в глазах рябило от обнажений известняков, разноцветья земных пластов. С левого, полого спускавшегося к воде берега пахло сеном в стогах, спеющим колосом полей. Лето 1693 года переваливало к осени, когда на Сухоне показался караван из шести длинных баркасов: шляпы с плюмажем, горлатные боярские шапки, иноземные камзолы, долгополые кафтаны и громкий говор. Это в Архангельск, к морской пристани спешил Петр I, словно торопя встречу с завтрашним днем России.

Торопились, торопили с расставаньем век XVII-й: уйди, бунташный, прощай, принесший Великую Смуту и разруху! Скройся, как тебя не было, освободи место грядущему!

Под скрип уключин мерно взмахивали весла дюжих гребцов, ветер-свежак раздувал паруса. Наплывало, приближалось мерцанье вороненых стволов солдатских мушкетов, блеск золота эфесов шпаг.

Во сретенье звонили колокола шатровой церкви на угоре. Пестрел народ, стоя на коленях, метал поклоны. Священник поднимал крест: «Помилуй, Господи, люди твоя и оставь нам долги наши!»

Таким получился краткий обзор древностей одного из глубинных сельских районов Вологодчины. Он далек от притязаний на полноту охвата темы, многое в нем едва задето, прослеживается отрывочно.

Последуй автор стереотипам вчерашнего дня, работу вообще не стоило начинать. Что они значили, столетия в нашем диком лапотном захолустье?

Не было, ничего не было — только беспросветная нужда, темнота, убожество...

Но крепости-городки, но гужевой и водный пути, стратегически важные для страны, — разве мог быть и наш угол, впрямь таежный, глухой, обойден пристальным вниманием современников, не говоря об историках последующих веков?

К розыскам по древностям Присухонья мне удалось привлечь летописи, 35-томное собрание документов «Русской исторической библиотеки», труды Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева, монографии М. М. Богословского, А. А. Зимина, Н. Н. Павлова-Сильванского, исследования П. А. Колесникова, Г. П. Сенигова и других. Словом, материалы доступные, где есть большие библиотеки; публикации, давно находящиеся в научном обороте.

Целые пласты древних архивов еще не обнаружены. Они слишком объемны. В них несомненно заключены бесценные данные о Севере, а в писцовых книгах, как в списках податного сословия,— фамильные корни большинства из нас. Пока же обходимся тем, что есть.

Очень хотелось бы надеяться, что предпринятая здесь попытка родиноведения, как бы она ни сложилась, подвигнет любителей истории, учителей, школьников на более полное познание своих сел, деревень, на постижение вклада ушедших поколений в становление Отечества.

Переживая периоды подъема и упадка, интерес к историческому прошлому не замирал. Благодарный след оставили по себе книги В. М. Малкова. Он не избежал искушения господствующей тогда догмой, что к северу от Вологды до революции царил «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость», тем не менее писательская добросовестность, органичность сочетания старины и нови придали его работам значение, не подвластное превратностям времени.

Теперь одна за другой появились на свет книги: А. А. Угрюмова — о Тарноге, И. А. Соболева — о Тотьме, М. А. Свистунова и Л. Л. Трошкина — о Междуречье Вологодчины.

Неоспоримы заслуги В. П. Сумарокова, создателя образцовой серии «Книг памяти» Нюксенского района, запечатлевшей имена воинов, павших на полях сражений Великой Отечественной войны, ее участников, ее ветеранов, ковавших победу в тылу. Перу Владимира Павловича принадлежит уникальная по использованию архивов «Летопись земли Нюксенской». Досадно, однако, что в ней слабее всего освещены седые века Присухонья.

Не из желания восполнить этот пробел возникли настоящие страницы. Длился бы поиск, находки будут бесконечны: история неисчерпаема. Очерк порожден моим долгом перед малой родиной, волостью Городишной, как она более полутысячи лет удостаивалась внимания Москвы державной, неоднократно широких пометок на картах, издававшихся в дальнем зарубежье, на разных языках.

Может, землякам достанет средств возвести какой-нибудь памятный знак: допустим, поклонный крест, не на Мыгре, то в Брусенце или в Бобровском, что предки наши, себя не щадя, столетиями служили России. Чтить родство, беречь времен связующую нить — чья печаль, если не наша, наследников всего минувшего. Так пусть громче звучат в нас колокола памяти и никогда не умолкнут.

Икона Божией Матери Ченстоховской с предстоящими преподобным Романом Антиохийским и праведным Артемием Веркольским, XVIII век.

Образ этот соединяет как бы несоединимое, разделенное протяженностью расстояний: древнюю православную Сирию, ее богатую торговую Антиохию и свято почитаемую братским польским народом Ясную Гору, монастырь Ченстоховский с лесной Верколой на реке Пинеге...

Происходит икона из Успенского собора г. Великий Устюг, находится в Вологде на реставрации (реставратор заслуженный работник культуры РФ С. П. Белов).

ДЕТСКИЕ ЛИКИ ИКОН

Когда в 1836 году появился на книжных прилавках биографический «Словарь о святых, прославленных в Российской Церкви, и местно чтимых», А. С. Пушкин не замедлил с похвальным отзывом. Воздав должное составителям сборника за полноту в охвате материала, как итогу «долгих изучений и терпеливых изысканий», поэт заключил: «Издатель «Словаря о святых» оказал важную услугу истории».

Насколько справедливо высказанное А. С. Пушкиным положение, позволяет судить хотя бы знакомство со святыми — регулярно выпускаемым «Православным церковным календарем». Годичным циклом праздников, памяти и почитания Божьих угодников, чудотворных икон этот календарь выступает краткой, предельно сжатой летописью всемирного православия и, конечно, становления и торжества христианства в России. Хронологический ряд святцев дает такой срез исторической действительности, путей обретения общероссийской государственной идеи, который неосилен никаким другим источником. Запечатлели святцы имена великих устроителей Руси, ее молитвенников, как Сергей Радонежский и Дмитрий Прилуцкий; государственных мужей, воинов-защитников, как Александр Невский, Даниил Московский, Дмитрий Донской; владетелей княжеских уделов, как Борис и Глеб, и бездомных нищих, как Прокопий Устюжский и Василий Блаженный; умудренных жизнью старцев, подобных Павлу Обнорскому, и детей.

Дети в святцах — юные лики на иконах...

Приглядимся к тому, кого мнение народное измлада выделило идеалом праведности, жертвенного служения, кого окружил ореол святости, молитвенного поклонения из рода в род.

1015 год. Скончался великий князь Владимир — Креститель Руси, и старший из двенадцати его сыновей, Сятополк, алчный, нелюдимый властолюбец, задумал уничтожить родных братьев и тем укрепить захваченный престол.

Борис с войском возвращался из похода на печенегов. Чуть брезжило, под образами горели свечи — священник служил заутреню, когда в шатер ворвались бояре Святополка. Пронзенный копьями, князь упал у алтаря. Телохранитель, скорее, видимо, оруженосец, Георгий Угрин собою прикрыл раненого и был сражен на месте. Шею его украшала золотая гривна — дар Бориса любимцу. Чтобы завладеть сокровищем, злодеи обезглавили мертвого отрока.

Самого юного из братьев, Глеба, по приказу бояр зарезал собственный повар княжича кухонным ножом.

— Суди тебе Господь, брате-враже Святополче, покаяться, дабы душу спасти! — простонал мальчик и захлебнулся кровью.

Братья-мученики смогли бы защитить себя, но отказались обнажить оружие — младшие против старшего, сознательно предпочтя смерть вспышке губительной междоусобицы. Дан был им дар смирения, провидчески пронизали они грядущее, как бы предчувствуя удельную раздробленность, зловещая заря которой занималась над Русью.

Встарь мальчика среды служилой, дворянской, лет с трех «сажали на коня», посвящая в воины, а исполнилось пятнадцать, он препоясывался боевым мечом. Естественно, героизм Георгия Угрина, по национальности венгра, произвел неизгладимое впечатление на молодежь.

Знаменьем свыше — к единению Руси — восприняли современники события 1015 года. Борис и Глеб, с ними Георгий, были причислены к лику святых — первых в русском православии. При этом Георгий прославлялся как местно чтимый «в полку Божественном».

Обычно иконы изображают братьев вдвоем: цветущего мужественностью, полного сил духовных и телесных Бориса и, едва ли перешагнувшего порог отрочества, Глеба. Оба в княжеских корзнах — плащах, оба при мечах. В ножнах мечи, избегшие положить начало лютым междоусобным браням и готовые сверкнуть в битвах за правое дело.

Истинны седые преданья: являлись братья на подмогу российским ратям и на берегах Невы к кораблям шведских захватчиков, и на поле Куликово — разить полчища Мамаю. Не одни — с незримой для врагов дружиной в шеломах, в кольчугах! Ведь с давних времен ведется: павший за Отечество воин и на том свете в строю пребывает вечно...

Теперь сделаем небольшое, необходимое отступление. Первые святые — не значит первые христиане Земли Русской. Христианство в великокняжескую семью Киева внесла Ольга, вдова князя Игоря, по происхождению крестьянка с реки Великой на Псковщине. В 955 году княгиня восприняла крещение в Константинополе от Вселенского патриарха, крестным отцом ее стал импера-

тор Византии. То есть по времени служения вере Христовой как Ольге, так и ее внуку, крестителю Руси Владимиру, принадлежит первенство, лишь канонизация их в чине святых, равноапостольных состоялась позднее.

В столице жило немало христиан: постоянно и наездами, в частности, по торговым делам. Общение с ними, познавшими священное писание и повидавшими белый свет, умелыми в ремеслах, зароняло в души киевлян плодоносные семена. Есть посев — будут всходы! Больше и больше горожан исповедовало новую веру, не исключая княжеских дружинников, придворных.

Между тем Русь погрязала в язычестве — страна многоверия и многобожия. Кичливо высились истуканами над крышами Киева: Перун с серебряной головой, золотыми усами — около великокняжеских палат; Мокошь — в скопище лачуг прях и ткачей; Велес — на шумном торжище...

Коляда с гаданьями, с ряжеными и бесшабашным весельем; гульливая, раздольная Масленица и встречи весны с похвалой жаворонку — птахе пахарею; величанье колоса в поле и стада на выгоне... Нет, этим, что нашло отражение в бытовых обрядах, поэтичности сельских праздников последующих поколений, и близко не затрагивается сущность язычества.

Потоки слез омывали, кровь обаграла подножья истуканов. Помимо жертв скотом, требовались подношения золотом, серебром, драгоценными мехами, зерном и льном, тканями. Не задобрить — жди напастей! Люди тут надобе, авось они умиливают!

В 983 году почетный жребий — быть заколоту во славу Перуна — выпал Иоанну из семьи христиан-варягов. За сына вступился отец — именем Феодор. Яростью вскипел Киев: закон преступили, нашими богами гнушаются? Казнить ослушников!.. И звучат сегодня в храмах слова древние, вечные: «Приидите, мучениколюбцы вернии, песнями почтим первомученики русския, Феодора и юного Иоанна, идолам не послужившия и кровь свою за Христа давшия».

Живучи ядовитые корни. Одно из знаменитых капищ славянского язычества — на острове Рюгене в Балтии — постиг разгром только летом 1168 года. Идол Световит был сожжен, собранные жрецами сокровища обратили в казну датских королей.

Для истории народов и государств не годы, столетия — миг единый, когда подспудно, исподволь накапливаемое прорывается неотвратимой неизбежностью.

Велика, природными щедротами изобильна, простиралась Русская Земля между Белым и Черным морями, от Пскова, Бреста, Прикарпатья на западе, до Курска, Рязани и Приуралья на востоке. Не одна тысяча городов, крепостей, множество людных сел, деревень, народ храбрый и воинственный — кто посмеет ополчиться на этукую силу?

Гибель Бориса и Глеба, нравственно всколыхнувшая страну, не предотвратила дробления державы, соперничества уделов друг с другом. Ослабшие в междоусобицах княжества терзали половцы и венгры, поляки и рыцарство католических орденов. Истончались связи периферии с центром — Киевом, который то и дело переходил из рук в руки. Нет врага страшней, чем мы сами, если из мнимых выгод погружаемся в братоубийственные распри и вражду! Подоспели сроки, возвестила летопись от 1223 года: «пришли народы, о которых никто не знает точно — кто они и откуда... каков язык их, и какого племени, и что за вера их. И зовут их татарами...»

Возглавлял вторжение Батый. Насчитывая 120—140 тысяч, ханское войско было оснащено баллистами, катапультами, машинами для метания горшков с зажигательной смесью, таранами и прочим, что использовалось для взятия крепостей.

Страницы былого, горькие, мрачные, нуждаются во вдумчивом прочтении — не опорочить бы прошлое. Орды кочевников натолкнулись на отчаянное, пусть и разрозненное сопротивление: как жили княжества, так и сражались — по сути дела, поодиночке. Особенно после битвы на реке Калке, где и объединенное русское войско понесло тяжелое поражение.

Татаро-монгольская напасть пополнила древний ряд мучеников веры, прежде всего детьми: Дмитрий Владимирский, Иоанн Рязанский, Василий Козельский...

На иконе или настенной храмовой росписи лик ребенка, а за ним — что за ним?

Руины, пепел пожарищ. Вытопанные конницей хлебные пажити. Кости, черепа вдоль дорог... Бескрайний погост — Русь!

Первоначально татары замыслили найти в русских княжествах союзников и продлить поход до Атлантического океана. Оказанный им отпор изменил планы: нет пощады дикарям, не понимающим собственной пользы! Да умрут рабами!

1237 год. С вести о гибели мужа, убитого в ставке хана за дерзкие речи, рязанская княгиня, красавица Евпраксия, прижав дитё к груди, выбросилась из окна высокого терема: не быть ей наложницей Батыя, сыну Иванушке — слугой поганых нехристей.

Штурмом взятую Рязань татары выжгли. Неописуемые творились зверства. Начертал летописец: «И не осталось в городе никого из живых... не осталось ни стонущих, ни плачущих».

Разве не вопреки здравому смыслу поступили? Сегодня у нас что и разговоров, то о нем: жить надо по уму, здравый смысл — вот чего нам не хватает! И рязанцам всех забот было: отворить ворота, выпустить вдову-княгиню к

хану Батыю с поклоном, чай, пощадил бы нас. Что за важность — поступиться честью и достоинством? Благо, предлог к сдаче без боя имелся: стольный Киев надменно отказал Рязани в соединении войск, что он один с татарами справится, и не прислал подмоги.

1238 год. Участь Рязани разделили Владимир, Суздаль, Москва, Тверь, Ростов, Ярославль, Кострома... Пожары, поголовное истребление народа...

Не потому ли татаро-монгольское нашествие отложило на молитвенное почитание столько детских имен, что о детях, прежде всего о детях страдала Русь? Теряющие детей, теряют будущее!

Орды чужеземцев, накатывая огненным валом, брали города то с ходу, то после коротких осад, и вдруг два месяца Батый протоптался у стен невзрачно-го Козельска!

В Козельске княжил Василий, но слову седых сказаний, возрастом «суший младенец». Утвердился город: «Хотя князь наш и молод, жизнь отдадим за него, чтобы в сем мире оставить по себе добрую славу, а за гробом венцов бессмертия достичь».

Стар и млад исповедовался и причащался. Способные носить оружие принимали схиму: отреченным от мира сего, биться им до конца и встретить смертный час в чине иноческом, угодном Богу. Так велось на Руси повсеместно, так было и здесь.

Полчища Батия обложили Козельск.

Грохочут о дубовый частокол гранитные валуны. Летящие с катапульт зажигательные снаряды в небе испускают пламя, точно Змеи Горынычи. Устрашающим воем заходятся всадники в полосатых халатах и лисьих малахаях. Голов защитникам Козельска не поднять — свищут, шипят стрелы...

Неделю за неделей оборонялся город. Четыре тысячи незваных гостей употчевал он напоевал. Козельцы, как гласят древние повести: «ножами резались», и, наконец, полегли поверх врагов, испив смертную чашу до капли.

Высшую оценку заслужил Козельск от хана Батия, в ярости воскликнувшего:

— Злой город!

Что не выгорело, жгли. На глазах израненных мужей насиловали жен. С радостным гогом расправлялись с младенцами на глазах матерей — за ножки и головенкой об угол дома...

О князе Василии Козельском через века перешагнула молва: «утонул в крови». Может, его утопили в ней?

О, лилось крови, о, было мук, страданий, самопожертвования, героизма, и пророчили они, что Русь выстоит и пробьет час — воспрянет свободной, скинув чужеземное иго!

Перенесемся из XIII века на столетия вперед, когда заходили по Северу иконки, объявляясь то в Холмогорах, то в Великом Устюге: мальчик, босой или в лапотках, холщовая рубаха ниже колен, над головою — нимб, золотой и святой.

Это произошло летом 1545 года.

Пинежье — река дивная, простор заливных лугов, чудные строгой красотой сосновые рощи и зеленые горбы холмов.

Жители деревни Веркола, отец с сыном Артемием, в поле бороновали пашню.

А нива чья? Волости имели право нарезать толику хозяйственных угодий мальчикам как раз с двенадцати лет, соответственно убавляя наделы мужчинам старше пятидесяти лет.

Ай да землевладелец — вихрастая голова, вышитая праздничная рубаха!

Праздник — поле свое холить, лелеять. Робь, не ленись, уж Бог хлебушка даст! Искони ведомо, что земля — Божья ладонь.

Зной донимал. Парило. Вспухла у окоема бурая туча, медленно наползая к зениту.

Солнце померкло. Угрозной громовые раскаты. Пора искать убежище от грозы, дождь запобрызгивал, превращаясь в поток — маленький хлебороб не покинул поля. Поймите, и час дорог перед озимым-то севом.

Внезапно туча будто раскололась, округу потряс исполинский треск одновременно со слепящим сполохом неземного огня.

Веркола была единодушна:

— Знак небес — стрела громовая...

— Божья воля!

По заветам старины, отец поместил гроб с телом сына в поле поверх земли, оградив могилку срубом, укрыв берестой. Покоиться праху должно, где душу ангельскую, непорочную принял Господь.

Вскоре благочестивый люд стал замечать сияние над погребением, а помолиться тут — душе радость, недугам облегчение. Даже береста целебна: свирепствовала на Севере страшная эпидемия, пинежан оные берестинки уберегли от пагубы повальной.

Нетленные останки перенесли в возведенный мужиками придел приходского Никольского храма, сменили домовину. Доски прежнего гроба употребились на ранние образа Артемия, святого праведника и чудотворца Веркольского.

Во славу его и торжество создан монастырь. Впоследствии вместо деревянных строений забелели громады каменных зданий, башни и стены обители, пожалуй, из первых в Поморье после преименитых Соловков. Слыл святой

Артемий покровителем детства: под сенью монастырских крестов было открыто училище для деревенских ребятишек.

Северное крестьянское детство! Чуть лишь из пеленок, участвовали мальчишки, девочки в заботах взрослых. Пахота, сев, сенокос, жатва — пусты, бывало, деревни в страду полевую и луговую. Уметь запрячь коня, владеть граблями, косой, серпом. Прясть, ткать, обиходить скот... Рядом река — учись гнать лодку шестом и веслом, метать сети, знай уловистые местечки. Лес под боком — что ты за человек, раз на лыжах не ходок, не насторожить тебе поставушек на пушного зверя, боровую дичь, под дождем не разжечь костра и, смотришь, в трех соснах добытчик заблудился!

Чем мог отличаться Артемий от сверстников? Разве что набожностью. Рос в семье работающей, богобоязненной — есть тому доказательства.

Покосов в срединном течении Пинеги недостаток. Плавали в верховья за десятки верст в лодках. Сенокосные станы оборудовались у пинежан деловито, словно настоящие деревни.

Видимо, Артемий жил на станах. Ход семги — наверное, помогал отцу на рыбацкой путине.

Пинежье — уголок уединенный, еще недавно труднодоступный из-за бездорожья. Болота, топкие грязи, поэтому летом чаще, чем телегой, пользовались саними-волокушами.

Мало что сравнится с этим краем по живописности, по берущему за сердце очарованию. Чистые воды отражают алебастровые теснины, а понизились берега — зелень поймы, душистое разнотравье. Деревня встретится — дома объемистые, будто корабли, поражают осанкой, добротностью рубки, резьбой причелин, высоких крылец. Если избы как корабли, то деревянные храмы на взгорьях, шатровые, простоявшие не один век, стройностью, устремлением к небу напоминают мачты.

Скровищница крестьянской культуры, Пинежье обогатило академические собрания, библиотеки, экспозиции музеев рукописями, старопечатными книгами, искусными образцами утвари, шитья, одежды, головных уборов. Отсюда вышла на подмостки столичных залов с былинами, скоморошьими припевками старушка-нищенка М. П. Кривополенова. Здесь родился, здесь черпал вдохновение писатель Федор Абрамов. В пинежских лесах М. М. Пришвин обрел поэтический образ «корабельной роши».

Мне довелось поехать по Пинеге. Как сейчас вижу ее деревни, поля.

Поля и поля за околицами, на межах поклонные, покосившиеся от ветхости старые и напахивающие смолой свежие кресты-голубцы. Не забыть, как ветер развеивал подношения: рукотерники, платочки с детской вышивкой, ленты, пояски. Кому они назначались в почитание — Артемию Веркольскому? Его

сестре, истари провозглашенной местночтимой праведницею Параскевой Пиринимской? Святому пастырю Иоанну Кронштадтскому, тоже уроженцу глухого Пинежья? Не спросить было, не узнать! В пятидесятые годы кто мог предвосхитить — вернуться к Артемию иноки, над светлой водой Пинеги вновь раздастся колокольный звон?

К XX веку Веркольская обитель располагала шестью храмами с главным — необычным по архитектуре Артемиевым собором. Первоклассная — Спасо-Прилуцкий монастырь Вологды, скажем, был второклассным, — она процветала за счет и пожертвований, и собственных средств, усердием иноков, послушников. Обитель возрождается, так, может быть, первопрестольная Москва озаботится и возобновит некогда украшавший ее храм во имя праведного Артемия, вышней волей вознесенного на святые образа мальчика из глуши таежного Пинежья?

Добавлю напоследок: в краткой записке ко мне Федор Абрамов обмолвился, что собирает материалы о юном земляке. Боюсь, написать что-либо Федор Александрович не успел — подсекла его безвременная кончина.

Имена детей в святцах, дети в ряду местночтимых святых. Задумаемся: что это — произвольное совпадение или нечто неизмеримо большее, разумом, чувством не постижимое, если знаменуются ликами детскими кануны грозных, белственных разломов для судеб страны, для страдающего народа?

Подгачивавшие единство Руси княжеские раздоры, междоусобицы, как преддверие татаро-монгольского ига...

Шаги к закреплению крестьянства на подступах к глубинному Северу...

Разверстая пропасть Великой Смуты, поглотившая миллионы человеческих жизней...

Не для доказательства чего-либо, для примера обратимся опять к Пинежью. Сторона типично крестьянская, с времен незапамятных обладавшая общинным самоуправлением. Каждый был волен занять под пашню, огороды, покосы и пастбища угодья, сколько мог их обработать. Каждый мужик мог заявить горделиво: «Земля царева и великого князя, а владею я».

И ведь сюда тшились продвинуть крепостнические порядки, подневольный труд на господ! Напрасные потуги, если рост налогов, податей и то повел к исходу крестьян с земли. Кеврольский уезд — родина Артемия Веркольского обезлюдел. Потребовалось властям основывать новый уезд — Пинежский, поближе к Северной Двине, подальше от таежной глуши, а шаги к закреплению северного крестьянства замерли, не доходя до Тотьмы.

На иконах деревенский мальчик, сын свободного крестьянина. Молитва есть таинство великое, сокровенное. Как знать, наверное, припадали наши предки-северяне к оному образу с мольбой о счастливой жизни — свободном труде на свободной земле...

Всему что-то предшествует, ничто судьбоносное не совершается вдруг, возникающая из пустоты. Кто лишь способен, духовно зрячий, увидеть невидимое, духовно чуткий — воспринять неслышимое?

15 мая 1591 года в городе Угличе погиб девятилетний ребенок: взрослые обедали, отпросился к сверстникам на задний двор терема, немного же погодя мать, вдова Ивана Грозного, нашла сына в крови — на шее колотая рана.

Касаться, не касаться канонического жития святого Дмитрия Угличского и Московского, всея России чудотворца, в обстоятельствах трагедии есть до сих пор невыясненные моменты, для историков спорные.

Тумана подпустило следствие, на котором главенствовал князь Василий Шуйский. Начальствовавший Московским судным приказом законник без осмотра тела и места происшествия установил: несчастье приключилось во время игры детей «ножиком в тычку». Родня мальчика скрывала, что он болен и поранился в припадке эпилепсии — «бросало оземь и било».

Материалы следствия сохранились, были они обнаружены в архивах в начале XIX века и опубликованы. До сих пор не улеглось вокруг них противоборство мнений.

Носил Дмитрий имя первенца Ивана Грозного, еще грудным утонувшего в Шексне, при поездке царской семьи на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь. Соблазнялся суеверный люд сетовать, не к добру-де нарекать чадо именем брата-покойника, неладное-де содеял батюшка-грозен государь.

Помещался царский отпрыск с матерью, Марьей Нагой, за стенами угличского кремля, на охране стрельцы, к услугам челядь.

Набатный бой колоколов поднял город: «Царевича не стало!». Под причитанья матери погибшего, под крики его дядьев — «Убит!»... «Се происки Бориса Годунова!» — вспыхнули волнения.

Москва согласилась с Шуйским: «Царевичу Дмитрию смерть учинилась Божиим судом» — причина в несчастном случае. Вину за мятеж возложили на «измену» бояр и дворян Нагих, на горожан — «мужиков угличских». Спроваждалась замятия убийствами, погромами, грабежами. Следствие заслушало показания около 120 человек. Оказалось, толпа растерзала как убийц именно тех, кого на месте происшествия вообще не было.

Чашу державного гнева испил город на Волге: пытки, казни, ссылки.

Дмитрия прочили в преемники бездетного царя Федора: брату наследовать брата. Хотя рожден был Дмитрий в седьмом браке Ивана Грозного, Церковью не освященном, незаконном.

В 1598 году Земский собор проголосовал за Бориса Годунова: ему переходит трон, опустевший после царя Федора. Боярская дума под большим нажи-

мом утвердила решение: наследству пресекавшейся династии следовало перейти к ее ближайшей родне, как князья Шуйские, как вельможи Романовы.

Острота трагедии 1591 года постепенно стерлась — не прошлому дозветь над злобой дня! Царствовал Борис спокойно, как вдруг разбушевались стихии. Летом стужа, снег, ледяные дожди: 1601, 1602, 1603 — подряд три года неурожаев. Голод и мор, в народе толки: «Терпим гнев Господень за бесчинного царя!»

Докатывались к Москве слухи: в Угличе над прахом безвинного отрока творятся чудеса, — да кому было им внимать? Бунты обездоленных, на дорогах разбой, в огне помещичьи усадьбы, и со стороны Польши вторжение чужих войск... Кому стало до Углича, коль вот оно чудо: жив Дмитрий Иванович, спасся от ножа лукавого Бориски Годунова, и грядет милостивец на отеческий престол!

Он-то беглый монах-расстрига? Молчите громче, в нем вдова Ивана Грозного со слезами умиления признала собственного сына!

Лжедмитрий I находился на победном пути к Кремлю, когда сложился против него заговор.

Не сразу предприятие увенчал успех, но, овладев царским престолом, Василий IV Шуйский сразу распорядился из Углича доставить в столицу святыни. Отказ от прежних выводов следствия он публично доказал тем, что сам пронес гроб через Москву, сам водрузил открытым в Архангельском соборе, усыпальнице государей московских. Возрадуемся, крещеные, новому заступнику православной Руси! Припадем к его мошам: святой Димитрие, моли Бога о нас!

Расслабленные бросали костыли, больные исцелялись: торжествуя, медно-голосье колоколов по 12—13 раз на день заливало столицу. Толпы жаждущих телесного здравия густели.

Заметим все-таки, что в поездке встретить процессию из Углича царя Василия москвичи хотели побить камнями: слишком низок был нравственный облик самодержца, кого на трон посадила кучка заговорщиков.

Лихие пошли времена. Будто извергнутые преисподней, за первым самозванцем грянул второй, потом третий, четвертый. Рядом с «сыновьями» глумились над доверчивой чернью «внучата» Ивана Грозного: Петрушка и Лаврушка, Федор и Ерофей, Климентий, Савелий, Семен, да Гаврило, да Мартын — сочти-ка их всех!

У слепых в поводырях слепцы, и дым пожарищ до небес, груды мертвецов спирают течение деревенских речек — такой разрухи, такого бесчестья Русь не переживала никогда.

К примеру — Углич. 1608 год — набег воровских шаек, 200 мучеников

будут поминать на соборных панихидах; 1610 год — опять набег, 1000 убитых. Тащась мертвым городом к нашей Устюжне за железом, картечью, литыми ядрами, обозы скрипели полозьями по трупам, вмерзшим в снег...

Военные экспедиции к Москве гетманов Жолкевского и Ходкевича, на Руси тысячные отряды магната Яна-Петра Сапегы, князя Рожинского, полковника Лисовского, не говоря о воеводе Юрии Мнишке — самозванщину, изменное боярство всей мощью подпирали Польша с Литвой, позднее Швеция.

Мы со школьной скамьи знаем о национально-освободительном движении, Минине и Пожарском. При этом умалчивалось: противоборство Великой Смуты имело ясно выраженную религиозную окраску.

Средневековая реформация пробила зияющие бреши в монолите католической Западной Европы. От Ватикана откололись Англия, кантоны Швейцарии, Швеция, ряд германских княжеств и областей Нидерландов, других стран. Идея поправить положение за счет православного славянства носилась в воздухе.

Русские, как известно, преобладали среди коренного населения Великого княжества Литовского, составлявшего с Польшей своеобразную республику с выборным королем — Речь Посполитую. Западно-русская православная церковь хранила независимость от восточно-русской — московской, на нее и нацелился удар.

Не без вмешательства короля Сигизмунда III, питомца иезуитов, несколько епископов в 1588 году тайно снесли с папой римским о приеме под эгиду Ватикана. Два года спустя уже открыто высшее православное духовенство Речи Посполитой заявило: «...желаем признавать нашим пастырем верховного пастыря и истинного наместника св. Петра на Римской кафедре, Святейшего папу, и иметь его нашим главой и ему подлежать и повиноваться».

Уния — союз западно-русского православия с католичеством — стала свершившимся фактом. К возмущению паствы, городских и сельских низов, справедливо провидевших от нее усиление гнета, теперь и на религиозной почве.

На очереди была Московия. Как, однако, туда внедрить господство католицизма?

Энергичный поборник приобщения «еретиков и схизматов» — православных русских — к Риму, Петр Скарга цитировал блаженного Августина: «Один указ государя может принести Христовой церкви больше пользы, чем множество проповедей священнослужителей». Сочинение Скарги перенздалось акурат в 1590 году.

Не случайно сегодня вербует сторонников новая версия угличской трагедии 15 мая 1591 года. Ее выдвинул трудами по истории Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский: в покушении были замешаны внешние

силы. Убийством царевича Димитрия достигалась многозначная цель: убрать очевидного наследника; опорочить Бориса Годунова, вероятного претендента, чье растущее влияние на государственные дела противоречит интересам Польши; воспользоваться грядущим междоусобием к собственной выгоде.

Задний двор терема загромождали дрова, за поленищами легко мог укрыться злоумышленник. Это ли задача: подкараулить заигравшегося мальчика?

В 1600 году посол Речи Посполитой канцлер Лев Сапега донес из Москвы: у Бориса Годунова тайно содержится двойник покойного Димитрия Угличского.

Странно, зачем он понадобился земскому царю? Ясновельможный пан не ошибся адресом?

А в феврале 1601 года утек за рубеж молоденький монашек Григорий Отрепьев. Попался на крамольном словоблудии, якобы ему быть царем на Руси: уносили болтуна бойкие лошади, взятые, между прочим, с конюшни князей Шуйских. Молод и резв, до иночества преуспевал Отрепьев на службе у бояр Романовых и их родни — князей Черкасских.

Резов, умен, ему охотно Польша поверила: сын Ивана Грозного! Беглец в обстановке строжайшей секретности принял католичество. Полномочный представитель Ватикана нунций Рангони посвятил прозелита в «воины Христовы»: дать дикой варварской Московии свет «веры правой, апостольской». В латах, с мечом, как воину положено!

Чтобы вмешиваться во внутренние дела дальней соседки, в средствах Западная Европа никогда не стеснялась. Чуду подобно, если Русь не развалилась на части и устояла, такие мощные рычаги были приведены в действие в Великую Смуту.

Но Западная Европа, передовая, просвещенная, сама переживала смуту, брожение умов. Кажется, самого дна достигло нравственное, духовное падение. Как иначе выразиться, если, например, трон Священной Римской империи владел черный маг? Занятия колдовством, вызовом духов, по общему мнению, довели императора Рудольфа II до умопомешательства. Шурин его, польский король Сигизмунд III, ночами корпел в подвалах Вавеля над опытами с ртутью, свинцом, дабы заполучить вожаемое золото. Модно было увлекаться каббалистикой. Шабаши ведьм, оргии сатанистов — и это культура? Поход на еретиков за чистоту веры, предпринятый в первой половине XVII века, убавил население европейских стран на 9 миллионов человек.

Смоленые виселицы, стук топора палача на плахе, чад костров инквизиции на городских площадях...

Стоило привести эти данные для полноты картины?

Непременно нужно сказать, что образа чудотворца, благоверного цареви-

ча Дмитрия Угличского и Московского — одни из наиболее ярких, красочных, по-особому жизнеутверждающих. Когда-то за ними гонялись коллекционеры, любители древней живописи.

Канонизация детей, «ко Христу близких духом», кто сподобился «горнему званию сопричтения», продолжилась в XVII и последующих веках. Безгрешные в преступлениях мира сего, жертвы слепых стихий, низменных страстей, вражды межнациональной и религиозной, они причислялись к соборне прославляемым и к местнопочитаемым святым:

1690 год — святой мученик Гавриил Заблудовский, младенец, Белостокский.

1752 год — святой мученик Евстафий, отрок, Крымский.

1820 год — святой праведный Петр, отрок, Томский, Сибирский.

Видимо, еще раньше стоило назвать праведного Василия Мангазейского (1600 г.). Будучи учеником приказчика, он был оклеветан хозяином-торговцем и убит. По сибирским сказаниям, Василий едва достиг совершеннолетия. Местная молва стойка: в святцах, допустим, день памяти Артемия Веркольского 10 (23 по новому стилю) июня, а Пинега его отмечает 23 июля (5 августа). В письменных источниках есть разночтения: по одним — Артемий обрабатывал ниву с отцом, по другим — с дядей, что, разумеется, не суть важно.

Прекрасен образ Троице-Сергиевой лавры «Собор всех святых, в земле Российской просиявших» кисти современных мастеров. Многофигурная композиция вобрала пять детей, канонизированных соборне, местночтимые святые не отражены. А их праздновали в веках, их и ныне почитают поименно.

Срез истории России, десятилетиями запретный и не уступивший забвению.

Горек повод обернуться к ликам, святым для наших дедов-прадедов: современное состояние детства. Ничего, сопоставимого с последствиями реформ, не откладывали по себе ни революции, ни массовые репрессии, ни войны, как мировая и гражданская, как Великая Отечественная с разрухой, с колоссальными потерями. Страдают у нас перед глазами самые беззащитные, самые уязвимые: старики, обремененные детьми семьи и сами дети.

В 1941—1945 годах Вологодчина приняла, обогрела, накормила, пропустила через себя 3 миллиона беженцев из фронтовых, прифронтовых областей. Повсюду открывались детские дома. Спаси... Детей бы спасти!

Неслыханно сегодня подскочили цены на детское питание, одежду. Новорожденных все обычнее стало оставлять на временное содержание в домах ребенка. Пока временное, у родителей нет средств, а затем... Невостребованные дети — лучший вариант, говорят, если находят они усыновителей за рубежом. Один Техас, штат США, из одной Вологодчины получил 50 детишек.

Что это, ладно ли это, когда маленькому соотечественнику отказывают в Отечестве?

Есть у нас Детский фонд (бывший имени В. И. Ленина). Есть президентская программа. Нет как нет учета беспризорников. Одни газеты сообщают, мол, их по стране 3 миллиона. Нет, что вы, возмущаются другие: всего-то 2 миллиона, не надо горячиться!

Детская наркомания, детская проституция — приметы пореформенного времени.

Мир через решетку — удел не одних малолетних преступников! Таким видят мир и дети богачей. Пройдитесь по Вологде: что ни особняк, на окнах решетки.

Решетки, решетки... Ах, не вызывайте волка из колка!

С нас спросят и уже спрашивают детские лики икон — знаменье веков минувших, что пошли ли нам впрок древние уроки?

СОДЕРЖАНИЕ

Древности Присухонья	4
Детские лики икон	64